

СИЕННА РАВЕЛЬ

ЗАПРЕТИ мне ОСТАТЬСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сиенна Равель

Запрети мне остаться

«Автор»

2026

Равель С.

Запрети мне остаться / С. Равель — «Автор», 2026

Кейси Фостер всего лишь решила сократить дорогу домой. Один темный переулок, один выстрел и один случайный взгляд, и ее прежняя жизнь закончилась. Она становится свидетельницей убийства, совершенного людьми Дамиано Моретти, главы одной из самых влиятельных семей Нью-Йорка. Вместо смерти Кейси получает запертую комнату в его доме, чужую одежду в шкафу и защиту, о которой не просила. Дамиано привык контролировать все и не оставлять незаконченных дел. Кейси должна быть лишь проблемой, которую нужно решить. Но чем сильнее она пытается вернуть себе свободу, тем быстрее он теряет собственный контроль. Пока неизвестный враг стягивает вокруг них ловушку, случайная свидетельница становится слабостью человека, у которого не должно быть слабостей. Он забрал у нее свободу. Она забрала у него контроль.

© Равель С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение.	5
Пролог.	8
Глава первая. Пробуждение	15
Глава вторая. Хозяин дома	28
Глава третья. Дом без замков	37
Глава четвертая. Цена ошибки	43
Глава пятая. Нарушенный порядок	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Запрети мне остаться

Предупреждение.

«Запрети мне остаться» является художественным произведением в жанре dark romance / mafia romance и предназначено исключительно для совершеннолетних читателей.

Книга содержит сцены и упоминания:

- похищения и незаконного удержания человека против его воли;
- организованной преступности и убийств;
- применения огнестрельного оружия;
- физического и психологического насилия;
- угроз, допросов и пыток;
- крови, ранений и последствий жестокого обращения;
- повторного похищения и тяжелого пребывания в плену;
- панических атак, посттравматических реакций и психологического срыва;
- попытки причинения вреда себе без подробного описания процесса;
- контролирующего, собственнического и морально неоднозначного поведения;
- откровенных сексуальных сцен между совершеннолетними персонажами;
- грубой и ненормативной лексики.

Некоторые отношения, решения и поступки персонажей намеренно показаны токсичными, опасными или морально неоднозначными и не должны восприниматься как модель здоровых отношений или руководство к действию.

Пожалуйста, учитывайте собственную чувствительность к перечисленным темам перед чтением.

A portrait of a man with dark hair, a beard, and tattoos, looking thoughtfully to the side. He is wearing a dark shirt and a watch. The background is dimly lit with a lamp and curtains.

ДАМИАНО МОРЕТТИ

Возраст: 35

Рост: 193 см

Статус: глава семьи Моретти

Цвет волос: тёмные

Цвет глаз: светлые

Описание: Холодный, тихий и опасный. Привык держать всё под контролем, не прощает предательства и никогда не оставляет незаконченных дел. Кейси становится его слабостью и самым большим нарушением собственных правил.

КЕЙСИ ФОСТЕР

Возраст: 22

Рост: 165 см

Статус: владелица книжного магазина

Цвет волос: тёмно-каштановые

Цвет глаз: карие

Описание: Наблюдательная, упрямая и ироничная. Случайно став свидетельницей убийства, Кейси попадает в дом Дамиано и отказывается терять себя даже в клетке. Именно она забирает у него контроль.

Пролог.

Нью-Йорк всегда казался Эрику городом, который слишком занят собственной жизнью, чтобы замечать чужую смерть.

Даже сейчас, когда часы на приборной панели показывали без четверти три, где-то вдалеке выла сирена, по мосту сквозь дождь тянулась редкая вереница машин, а неон круглосточных баров отражался в мокром асфальте так ярко, словно ночь для него не существовала. Дворники металась по стеклу, но вода тут же снова заливала обзор, превращая дорогу в размазанное пятно из красных стоп-сигналов и тусклого света фонарей.

Эрик бросил взгляд на телефон. За последние пятнадцать минут экран загорался несколько раз, но новых сообщений не появлялось. Это было странно. Люди, с которыми он работал последние полгода, не опаздывали. Никогда. Если встреча назначена на определенное время, значит, в эту минуту все уже стоят на месте.

Он потянулся к пачке сигарет в дверном кармане, но тут же убрал руку. Бросил. Почти два месяца назад. Правда, сегодня желание закурить становилось сильнее с каждым километром, а мысль развернуться сопровождала его с самого вечера, возникала на каждом светофоре, на каждом повороте, каждый раз, когда навигатор упрямо вел его через промышленные кварталы Бруклина.

Развернись.

Пока не поздно.

Эрик невесело усмехнулся. Поздно стало еще полгода назад, когда он впервые согласился встретиться с человеком, лица которого так и не увидел. Тогда все выглядело почти безобидно: полупустой бар, дорогой виски, конверт, предложение, от которого следовало отказаться сразу. Вместо этого Эрик попросил время подумать.

Наверное, именно тогда все и закончилось.

Потому что человек, которому действительно неинтересны чужие деньги, не просит времени. Он просто говорит «нет».

Сначала была одна фотография. Потом копия накладной. Потом номер контейнера. Каждый следующий шаг казался незначительным, почти аккуратным, и однажды Эрик с удивлением обнаружил, что перестал воспринимать происходящее как предательство. Оно превратилось в работу. Хорошо оплачиваемую, тихую работу, которая должна была закончиться этой ночью.

Новая жизнь, новые документы, самолет и Испания — все это уже почти казалось настоящим. Нужно было только пережить последнюю встречу.

Он никогда не был в Испании, но уже успел придумать себе море, маленький бар на побережье, утренний кофе на террасе и телефон, который больше не звонит среди ночи чужим голосом.

Глупая мечта.

Оттого и живая.

Навигатор негромко пискнул.

— Через двести метров поверните направо.

Эрик крепче сжал руль. Еще немного. Всего одна встреча, потом аэропорт, а дальше все должно было стать проще.

Через несколько минут навигатор сообщил, что он прибыл.

Эрик заглушил двигатель, но выходить не спешил. Вокруг не было ни одной машины, если не считать старого фургона без номеров у забора, ни одного освещенного окна и ни одного человека. Только длинные кирпичные склады, облезлые металлические ворота и дождь, который будто смысл с улицы все признаки жизни.

Телефон коротко завибрировал.

Одно сообщение.

«Выходи»

Без подписи, без номера, без единого лишнего слова.

Эрик несколько секунд смотрел на экран, ожидая продолжения, но сообщение исчезло, словно его никогда не было. Неприятное чувство, преследовавшее его всю дорогу, вдруг стало почти осязаемым.

Он поднял голову.

В нескольких метрах от машины стоял человек.

Высокий мужчина в темном пальто спокойно смотрел в его сторону. Дождь стекал по широким плечам, капли срывались с воротника, но он не двигался, будто промокшая одежда беспокоила его не больше, чем ветер или холод.

Эрик вышел из машины. Ледяной воздух сразу ударил в лицо, сырость мгновенно пробралась под воротник, и он невольно поежился. Мужчина дождался, пока он подойдет сам.

— Добрый вечер, — осторожно произнес Эрик, остановившись в паре метров.

Незнакомец молча рассмотрел его и едва заметно кивнул.

— Добрый.

Голос оказался спокойным. Без угрозы, без грубости, без напускной важности.

— Мне сказали ждать здесь, — продолжил Эрик, чувствуя, как дождь стекает по шее.

— Я так понимаю, встреча...

— Да, — перебил мужчина. — Подождем.

Эрик нахмурился.

— Кого?

— Босса.

Слово прозвучало буднично, но внутри снова неприятно сжалось.

— Он всегда заставляет людей ждать? — попытался усмехнуться Эрик.

Уголок губ незнакомца едва заметно дрогнул.

— Нет. Обычно приезжает раньше.

Эрик не сразу понял, была ли это шутка. Лицо мужчины оставалось совершенно невозмутимым, и от этого становилось только тревожнее.

Тишину нарушил рокот двигателя.

Из-за поворота медленно показался черный внедорожник. Машина двигалась без спешки, словно водитель никуда не торопился и не сомневался, что его будут ждать столько, сколько потребуется. Она остановилась в нескольких метрах, двигатель стих, но двери открылись не сразу.

Эти несколько секунд показались Эрику длиннее всей дороги сюда.

Наконец задняя дверь распахнулась.

Из салона вышел человек.

На нем не было ни пальто, ни куртки, хотя октябрьский дождь за минуту превращал улицу в ледяной поток. Черная рубашка почти сразу намокла, плотно облекая широкие плечи; рукава были закатаны чуть ниже локтей, открывая татуировки, уходившие под ткань, а темные волосы от воды стали почти черными.

Он не оглядывался и не пытался занять собой пространство. Просто шел вперед спокойным, размеренным шагом, будто приехал не в безлюдный переулок среди ночи, а на обычное совещание, назначенное по нелепой случайности под проливным дождем.

Мужчина в пальто чуть выпрямился.

— Добрый вечер, босс.

Тот едва заметно кивнул, принимая из его рук тонкую папку. Никаких рукопожатий. Никаких вопросов. Он сразу открыл документы, бегло просмотрел несколько страниц, задержался на последней, закрыл папку и вернул ее обратно.

Только после этого посмотрел на Эрика.

Без злости. Без презрения. Без любопытства. Так смотрят на случайного человека, лицо которого через минуту уже невозможно будет вспомнить.

Именно этот взгляд испугал Эрика сильнее всего.

— Эрик Морган?

Голос был низким и удивительно спокойным.

— Да, — ответил Эрик, неожиданно почувствовав, что во рту пересохло. — Да, это я.

Незнакомец слегка наклонил голову.

— Значит, ошибки нет.

Эрик нахмурился.

— Простите?

Человек в черной рубашке перевел взгляд на папку.

— Он понимает, почему оказался здесь?

Мужчина в пальто открыл последнюю страницу и спокойно ответил:

— Думает, что приехал за деньгами.

Они говорили так, будто Эрик уже перестал быть человеком в разговоре и превратился в пункт на последней странице папки.

Страх поднялся холодно, сразу под ребра.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — произнес он и сам услышал, каким чужим стал его голос. — Мне сказали приехать за...

— За деньгами, — спокойно закончил человек в черной рубашке. — Я знаю.

— Тогда произошла ошибка.

— Правда?

Один вопрос. Никакой угрозы. Но Эрик вдруг понял, что отрицать бессмысленно. Перед ним стоял человек, который не строил догадок и не пытался вывести его на признание. Он уже знал правду.

— Оставьте нас, — произнес тот, не отводя взгляда от Эрика.

Из темноты почти бесшумно вышли еще несколько мужчин. Эрик не понял, когда они появились. Возможно, стояли здесь все это время, растворившись в дожде и ночи. Они не доставали оружие, не произносили ни слова, просто разошлись в стороны, перекрывая путь к машине.

Мужчина в пальто отступил.

Человек в черной рубашке снова посмотрел на Эрика.

— У меня будет только один вопрос. Когда?

Эрик сглотнул.

— Что... когда?

— Когда ты впервые понял, что готов предать людей, с которыми работал восемь лет?

Кровь отхлынула от лица.

Эрик заговорил сразу. Сбивчиво, быстро, цепляясь за каждую возможность отсрочить неизбежное.

— У меня не было выбора. Они нашли меня первыми. Дали понять, что, если я откажусь, пострадают близкие. Я не собирался никого предавать. Сначала это была одна фотография, потом документы, потом еще что-то... А потом стало слишком поздно. Я хотел исчезнуть. Сегодня же. У меня билет...

— Рейс IB 2628, — спокойно произнес человек напротив. — Вылет из аэропорта имени Кеннеди в десять сорок пять утра. Место двадцать один «А». У окна.

Эрик замер.

Билет он покупал поздно ночью, сидя за кухонным столом. Не с рабочего ноутбука, не через корпоративную сеть. Подтверждение удалил сразу после того, как сохранил посадочный талон на телефон.

Об этом не знал никто.

— Откуда... — голос стал едва слышным. — Откуда вы это знаете?

Ответа не последовало, и именно это молчание оказалось страшнее любых слов. Человек в черной рубашке просто смотрел на него, будто назвал обычный факт. Не хвастался, не запугивал, не демонстрировал власть. Лишь дал понять, насколько глубоко успел войти в чужую жизнь.

— Скажи, — произнес он после короткой паузы, — ты хотя бы раз собирался прийти ко мне сам?

Эрик растерянно моргнул.

— Что?

— За эти шесть месяцев был хотя бы один день, когда ты решил рассказать правду раньше, чем тебя нашли?

Ответа не было.

Перед глазами всплыли конверты с деньгами, осторожные встречи, часы за поиском авиабилетов, объявления о продаже маленьких баров на испанском побережье. Эрик не собирался признаваться. Он собирался исчезнуть.

— Я испугался, — наконец выдавил он.

К его удивлению, человек напротив не усмехнулся.

— Каждый человек боится последствий собственного выбора. Это нормально.

На мгновение внутри дрогнула бледная тень надежды.

— Тогда вы должны понимать, почему я...

— Понимаю, — перебил он все тем же спокойным голосом. — Именно поэтому я и приехал сам.

Смысл дошел не сразу.

Если глава семьи приехал лично, переговоров не было с самого начала. Решение приняли задолго до этой ночи. Все происходящее существовало лишь потому, что человеку напротив был нужен ответ на один вопрос.

Эрик медленно опустил голову.

— Мне жаль, — произнес он почти шепотом.

Впервые за весь разговор это прозвучало без расчета.

Человек в черной рубашке долго смотрел на него.

— Я знаю.

Эрик вскинул голову.

— Тогда...

— Но это ничего не меняет.

Слова прозвучали почти буднично. Ни злорадства, ни удовольствия от чужого страха. Только неизбежность человека, который давно научился не путать сожаление с прощением.

Эрик тихо усмехнулся, сам не понимая почему.

— Забавно.

Человек напротив едва заметно поднял взгляд.

— Что именно?

— Я думал, самый опасный момент — это согласиться. А оказалось, самым страшным было поверить, будто у меня действительно получится уйти.

Несколько секунд никто не говорил.

— Я ведь считал себя умнее, — продолжил он уже почти спокойно. — Каждый раз убеждал себя, что это последний раз, а потом находил новую причину продолжать. Забавно, как быстро человек начинает оправдывать собственную жадность, называя ее необходимостью.

Человек в черной рубашке медленно кивнул.

— Не жадность.

Эрик поднял глаза.

— Что?

— Самонадеянность. Жадный человек понимает, что рискует. Самонадеянный убежден, что последствия наступят для кого угодно, только не для него.

Это слово ударило сильнее любого обвинения.

Эрик горько улыбнулся.

— Наверное, вы правы.

Человек в черной рубашке посмотрел на часы, затем перевел взгляд на мужчину в пальто.

— Заканчивайте здесь.

Он не повысил голос, не достал оружие, не сделал угрожающего жеста. Просто развернулся и пошел к машине, не оглядываясь. Для него эта история завершилась в ту секунду, когда Эрик признался самому себе: он хотел не исправить ошибку, а избежать расплаты.

Задняя дверь внедорожника закрылась с негромким щелчком.

Эрик еще несколько секунд смотрел на машину, потом перевел взгляд на мужчину в пальто. Тот спокойно убрал папку под мышку и впервые за вечер посмотрел ему прямо в глаза. Без злости. Без торжества. Скорее с усталостью человека, которому слишком часто приходилось присутствовать при подобных разговорах.

Эрик больше не хотел просить.

Просьбы имели смысл, пока решение еще не приняли.

Он поднял лицо к небу. Холодные капли ударили по щекам, смешиваясь с водой, стекавшей с волос и воротника. Где-то рядом монотонно гудел трансформатор, ветер хлопал плохо закрепленным листом металла, а из города, казавшегося теперь бесконечно далеким, доносилась очередная сирена.

Жизнь продолжалась так, словно ничего особенного этой ночью не происходило.

За спиной раздали шаги. Тяжелые, неторопливые, совсем близко. Эрик не обернулся. Только глубоко вдохнул сырой воздух, пахнувший мокрым бетоном, ржавчиной и дождем, и неожиданно подумал, что так и не увидел море.

Глухой хлопок почти растворился в шуме дождя.

Город его даже не заметил.

* * *

Тяжелая связка ключей с тихим звоном исчезла в кармане пальто, и Кейси по привычке еще раз дернула входную дверь книжного магазина, убеждаясь, что замок действительно защелкнулся. Последний покупатель ушел почти час назад, но она не злилась. Кейси всегда нравилось наблюдать, как люди неожиданно находят ту самую книгу, за которой, сами того не понимая, и пришли.

Коллега выключила свет в витрине и покачала головой.

— Ты когда-нибудь научишься заканчивать рабочий день вовремя?

Кейси улыбнулась, поправляя ремешок сумки.

— В тот же день, когда люди перестанут просить что-нибудь интересное, но без грустного конца.

— И что ты сегодня посоветовала?

— Роман с очень счастливым финалом.

Коллега прищурилась.

— Соврала?

— Конечно. Но узнает он об этом только через четыреста страниц.

Они рассмеялись, быстро обнялись под навесом, и через несколько секунд Кейси осталась одна. Дождь не собирался стихать, автобус коллеги уже исчез за поворотом, а дома ее ждали горячий душ, старая толстовка и книга, которую она безуспешно пыталась начать четвертый день подряд.

Перед тем как идти домой, она заглянула в круглосуточный магазин. Молоко, паста, томатный соус, яйца и маленькая плитка темного шоколада оказались в пакете почти автоматически. Шоколад Кейси каждый раз обещала себе не покупать и каждый раз все равно покупала.

Через несколько минут она снова вышла под дождь.

На перекрестке Кейси остановилась и посмотрела сначала на длинную улицу, освещенную витринами, потом на узкий переулок, уходящий к старым складам. Через промышленный квартал путь был короче минут на десять. Она ходила там десятки раз и давно перестала считать это место опасным.

Безлюдным — да.

Мрачным — да.

Но не опасным.

Кейси плотнее запахнула пальто, перехватила пакет поудобнее и свернула в переулок.

Дождь приглушал любые звуки. Ветер перекачивал по мокрому асфальту обрывки старых газет, редкие фонари отбрасывали на кирпичные стены длинные дрожащие тени. Черный внедорожник у обочины показался ей скорее странным, чем тревожным. Слишком дорогая машина для этого района, слишком спокойный двигатель, слишком темные стекла.

Но Нью-Йорк быстро учит не задерживать взгляд на том, что тебя не касается.

Она уже собиралась пройти мимо, когда впереди раздался глухой хлопок.

Не громкий.

Почти потерявшийся в шуме дождя.

Кейси остановилась.

Несколько секунд ничего не происходило. Только вода стекала по водосточным трубам, а ветер раскачивал старую металлическую вывеску над складом.

Наверное, показалось.

Она сделала еще пару шагов.

И почувствовала запах.

Едва уловимый, металлический, странно знакомый, он смешивался с мокрым бетоном и дождевой водой, становясь отчетливее с каждым шагом.

Здравый смысл сказал уйти.

Любопытство оказалось быстрее.

Кейси осторожно выглянула из-за угла, рассчитывая увидеть аварию или пьяную драку, но несколько долгих секунд мозг просто отказывался понимать увиденное.

На мокром асфальте лежал мужчина.

Дождь стекал по его лицу, распахнутому пальто и безвольно раскинутой руке, возле которой медленно расплзалось темное пятно. Чуть поодаль стояли несколько человек. Никто не суетился. Никто не пытался помочь. Они вообще не выглядели людьми, только что ставшими свидетелями смерти.

Их спокойствие пугало сильнее самого тела.

Пальцы Кейси разжались.

Пакет с покупками мягко выскользнул из руки и с негромким стуком упал на землю. Бутылка молока покатилась вперед, ударилась о бордюр и замерла у ног одного из мужчин.

Он медленно перевел взгляд вниз.

Потом так же неторопливо поднял голову.

Их взгляды встретились.

Кейси не знала этого человека. Никогда прежде не видела его лица. Но еще до того, как страх успел стать настоящим, она почему-то совершенно ясно поняла одну вещь.

Он не выглядел человеком, которого застали врасплох.

Наоборот.

Он смотрел так, будто эта случайность уже стала частью решения.

Глава первая. Пробуждение

Меня разбудила тишина.

Странно осознавать это сейчас, но именно тишина показалась мне неправильной. Я жила в Нью-Йорке почти всю жизнь и давно привыкла просыпаться под вой сирен, гул машин, чей-то слишком громкий разговор за окном или бесконечное ворчание мусоровоза, который неизменно приезжал раньше всех на свете. Даже ночью город никогда не замолкал окончательно, словно боялся остановиться хотя бы на несколько минут.

Здесь было иначе.

Я лежала неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию и пытаясь понять, что именно меня насторожило. Где-то совсем далеко размеренно шумел дождь, но звук доносился приглушенно, будто между мной и улицей находились толстые стены. Больше не было ничего. Ни соседей за стеной, ни шагов на лестнице, ни машин, ни сирены, которая хотя бы доказала бы, что мир снаружи все еще существует.

Только тишина.

Настолько плотная, что в какой-то момент мне показалось, будто я слышу, как стучит мое сердце.

Я открыла глаза не сразу.

Потолок надо мной был высоким, почти белым, с аккуратной лепниной по краям. Несколько секунд я просто рассматривала незнакомый узор, пытаясь вспомнить, когда успела сделать ремонт в собственной квартире, но уже через мгновение эта нелепая мысль исчезла сама собой.

Это был не мой потолок.

Я медленно повернула голову. У окна висели тяжелые темно-зеленые шторы, сквозь которые почти не проникал дневной свет, у стены стоял старый деревянный шкаф, рядом — комод и кресло с высокой спинкой, а под ногами вместо потертых половиц, которые я каждую неделю обещала себе наконец помыть, лежал светлый дубовый паркет.

Ни одна из этих вещей мне не принадлежала.

Я резко села, и комната тут же качнулась перед глазами. В висках отозвалась тупая боль, к горлу подкатила тошнота, поэтому пришлось зажмуриться и несколько раз медленно вдохнуть. Воздух пах чистым бельем, деревом и чем-то едва заметно лекарственным. Не больницей. Хуже. Больница хотя бы объяснила бы пластырь, чужую одежду и то, что я не помню, как сюда попала.

Здесь все выглядело слишком продуманным.

Головокружение постепенно отступило, однако вместе с ним пришло другое чувство — неприятное, холодное, медленно расползающееся где-то под ребрами.

Я не помнила, как оказалась здесь.

Последним воспоминанием был книжный магазин. Потом дождь. Пакет с продуктами, который неудобно бил по ноге при каждом шаге. Кажется, я решила сократить дорогу через промышленный квартал, потому что промокла до нитки и мечтала только о горячем душе и книге, которую уже несколько дней безуспешно пыталась начать.

Дальше память превращалась в обрывки.

Темный переулок.

Черный внедорожник.

Человек, лежавший на земле.

Кровь.

Я отчетливо помнила, как пакет выскользнул из моих рук, а бутылка молока покатилась по мокрому асфальту. Помнила, что кто-то поднял голову и посмотрел в мою сторону, но лицо

этого человека почему-то расплывалось в памяти, словно мозг нарочно стер самую важную деталь.

После этого оставалась только пустота.

Я машинально коснулась виска.

Под пальцами ощущалась тонкая полоска пластыря.

Сердце неприятно сжалось.

Очень медленно я опустила взгляд на себя. Вместо вчерашних джинсов и темно-синего свитера на мне были свободные спортивные брюки и простая светлая футболка, явно не принадлежавшие мне. Ткань была мягкой, дорогой и чужой. Она лежала на коже неправильно именно потому, что сидела почти идеально.

Кто-то снял с меня одежду.

Кто-то обработал ссадину.

Кто-то переделал меня, пока я была без сознания.

Эта мысль ударила сильнее, чем незнакомая комната. Не громко, не сразу, а мерзко и глубоко, будто чья-то невидимая рука прошла по телу уже после того, как я проснулась. Я не знала, сколько времени прошло, где нахожусь и кто решил проявить столь странную заботу, но совершенно точно понимала одно: ничего из происходящего не было случайностью.

Я медленно спустила ноги на пол, ощущая под ступнями теплое дерево, и поднялась так осторожно, словно любое резкое движение могло вернуть головокружение. Комната казалась удивительно спокойной, почти уютной, но именно эта аккуратность настораживала. Здесь не было ощущения заброшенности или спешки. Напротив, создавалось впечатление, что меня ждали.

От этой мысли по спине пробежал холодок.

Я подошла к двери и опустила ладонь на ручку, уже заранее понимая, каким будет результат. Замок не поддался ни с первой попытки, ни со второй. Я надавила сильнее, затем дернула дверь на себя, однако она даже не дрогнула.

Несколько секунд я продолжала смотреть на дверь, пытаясь придумать хоть одно разумное объяснение происходящему, но все они рассыпались быстрее, чем успевали оформиться в мысль. Может быть, это какая-то частная клиника? Может быть, меня привезли сюда после несчастного случая? Может быть, кто-то решил защитить меня после того, что я увидела?

Нет.

Ни одна защита не начинается с замка снаружи.

Я медленно выдохнула и заставила себя отойти от двери. Паника никогда никому не помогала, по крайней мере, так я всегда говорила покупателям, которые в последний момент не могли выбрать подарок и были уверены, что совершают самую страшную ошибку в жизни. Забавно, что теперь эти слова пришлось повторять самой себе.

— Спокойно, — пробормотала я и сама услышала, насколько неуверенно это прозвучало.

Если отсюда существовал выход, сначала его нужно было найти.

Я осмотрела комнату уже не как человек, случайно оказавшийся в незнакомом месте, а как человек, который ищет любую зацепку. Кровать была аккуратно застелена, словно в дорогом отеле. На прикроватной тумбе стояли стакан воды и небольшие электронные часы без единой кнопки, кроме настройки времени. Ни телефона, ни зарядки, ни сумки, ни ключей поблизости не оказалось. На комоде лежали несколько книг, однако ни одной знакомой обложки я не увидела. Все выглядело так, будто комнату подготовили заранее, но совершенно не рассчитывали, что мне понадобится хоть что-то из прежней жизни.

Эта мысль неприятно кольнула где-то внутри.

Я подошла к шкафу и почти без надежды распахнула дверцы.

Внутри висела одежда.

Женская.

Новая.

Платья, джинсы, несколько свитеров, рубашки, белье — все с бирками, аккуратно развешанное по цветам, словно кто-то подошел к этому с пугающей педантичностью. Размер был мой. Не примерно, не «подойдет, если подвернуть», а мой.

Я замерла.

Совпадение?

Нет.

Так не бывает.

Я быстро закрыла шкаф, будто от этого зрелище должно было исчезнуть, и почти сразу направилась в ванную. Она оказалась такой же безупречной, как и спальня: светлый камень, большое зеркало, идеально сложенные полотенца, новая зубная щетка в стакане, запечатанная упаковка косметических принадлежностей и фен, который выглядел дороже всей мебели в моей квартире. Я открыла шкафчик над раковиной, затем второй, потом третий, хотя сама не понимала, что именно надеюсь там найти.

Телефона не было.

Моей сумки тоже.

Зато возле раковины лежала резинка для волос.

Темно-синяя.

Такая же, какой я обычно пользовалась.

Я осторожно взяла ее в руки и несколько секунд просто рассматривала. Это уже не было похоже на случайность. Кто-то знал обо мне достаточно, чтобы купить одежду моего размера, подобрать привычные мелочи и подготовить комнату так, словно рассчитывал, что я проведу здесь не один день.

Я положила резинку обратно.

Медленно.

Будто она могла оказаться не вещью, а доказательством.

Потом вернулась в спальню и подошла к окну. Тяжелые портьеры разошлись почти бесшумно, пропуская внутрь серый утренний свет. За стеклом простирался незнакомый сад: идеально подстриженные газоны, старые деревья, широкая подъездная аллея и высокий каменный забор, уходивший куда-то за пределы видимости. Ни соседних домов, ни прохожих, ни улицы, по которой можно было бы определить район. Только пустое пространство и дождь, лениво барабанивший по гравийной дорожке.

Я машинально дернула оконную ручку.

Закрыто.

Еще раз.

Безрезультатно.

Стеклопакет даже не дрогнул.

— Да вы издеваетесь, — тихо выдохнула я, чувствуя, как раздражение постепенно вытесняет растерянность.

Я уже собиралась отойти от окна, когда где-то в глубине дома послышался приглушенный звук.

Не шаги.

Скорее хлопнула тяжелая дверь.

Потом наступила тишина.

Через несколько секунд я услышала голоса. Мужские. Слов было не разобрать, но один голос звучал спокойно и негромко, второй отвечал короткими фразами, словно докладывал о чем-то. Я задержала дыхание, пытаясь уловить хоть одно слово, однако стены оказались слишком толстыми.

Зато почти сразу раздался другой звук.

Совсем рядом.

За дверью моей комнаты.

Кто-то неторопливо остановился снаружи.

Я замерла.

Сначала послышался негромкий стук. Не требовательный, а почти вежливый, будто человек по другую сторону двери действительно ожидал, что я могу ответить. Я молчала, глядя на ручку. Стук повторился, после чего тихо щелкнул замок, и дверь медленно открылась.

На пороге появился мужчина, которого я уже видела ночью.

Тогда дождь скрывал лицо, оставляя лишь силуэт в темном пальто, а теперь я наконец смогла рассмотреть его как следует. На вид ему было около тридцати пяти, может, немного больше. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, черты лица казались спокойными почти до сухости, а взгляд человека, давно привыкшего контролировать любую ситуацию, почему-то раздражал сильнее всего.

Он остановился на пороге, не заходя в комнату, словно ждал приглашения, которого, как мы оба прекрасно понимали, не последует.

— Доброе утро, — произнес он, оставаясь на пороге.

Я ничего не ответила.

Он выдержал мое молчание так спокойно, будто и оно было частью заранее понятного порядка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он тем же ровным голосом.

Я невольно усмехнулась.

— А это имеет значение?

— Имеет.

— Тогда начнем с простого, — сказала я, скрещая руки на груди. Чужая футболка снова натянулась на плечах, напомнив, что кто-то трогал меня, пока я не могла открыть глаза. — Где мои вещи?

Он не отвел взгляда.

— В безопасности.

— Это не тот ответ, которого я ожидала.

— Другого пока не будет.

Он стоял у двери так, чтобы не загромождать проход, но это ничего не меняло. Проход за его спиной все равно вел не к свободе, а в дом, где меня удерживали против моей воли. Я заставила себя смотреть ему в лицо, а не на коридор.

— Хорошо, — произнесла я медленнее. — Тогда, где я?

Он ненадолго задумался, и эта короткая пауза почему-то разозлила сильнее, чем если бы он просто отказался отвечать.

— В доме.

— Великолепно. А я-то решила, что в торговом центре.

Кажется, уголок его губ едва заметно дрогнул. Не улыбка. Скорее признак того, что сарказм он все-таки распознал.

— Чувство юмора — хороший признак.

— А похищение людей — плохой.

На этот раз он помолчал чуть дольше. Не стал поправлять формулировку, не сделал вид, будто не услышал обвинение. Просто смотрел на меня спокойно, словно пытался определить, насколько далеко я готова зайти, прежде чем страх снова станет сильнее злости.

— Завтрак уже готов, — сказал он наконец. — Если захотите поесть, вас проводят в столовую.

Я недоверчиво посмотрела на него.

— Вы сейчас серьезно предлагаете мне завтрак? — спросила я так, будто он только что предложил обсудить погоду.

Мужчина не изменился в лице.

— Предлагаю.

— После того как меня похитили?

— После того как вы потеряли сознание.

— Не подменяйте понятия.

— Не собирался.

— Тогда назовите вещи своими именами.

Пауза затянулась.

Он стоял на пороге чужой комнаты, за его спиной был открытый коридор, за моей — закрытое окно, и вдруг вся эта странная вежливость стала хуже грубости. Грубость хотя бы не притворялась порядком.

— Вас удерживают здесь против вашей воли, — произнес мужчина.

Без угрозы. Без насмешки. Даже без тени сожаления. Просто констатация факта, словно речь шла о погоде за окном. Именно эта спокойная уверенность испугала меня сильнее, чем если бы он начал кричать.

— Именно это вы хотели услышать? — добавил он после короткой паузы.

Я смотрела на него молча, впервые понимая, что этот человек не станет играть со мной в словесные игры. Если он говорил, то говорил ровно столько, сколько считал нужным. Ни словом больше.

— Кто вы? — спросила я после короткой паузы.

— Меня зовут Лука.

— Просто Лука?

— Пока этого достаточно.

Я тихо усмехнулась и посмотрела на стакан воды у кровати. Горло саднило, но я не подошла к тумбе. Не хотела брать ничего, что они оставили для меня слишком аккуратно.

— Забавно, — сказала я. — У меня ощущение, что я разговариваю с очень дорогой службой поддержки. На любой вопрос находится ответ, который ничего не объясняет.

К моему удивлению, Лука не обиделся. В нем вообще не было ничего, за что можно было бы удобно зацепиться злостью: ни раздражения, ни самодовольства, ни желания доказать, что он главный в этой комнате.

— Если бы я ответил так, как вам хотелось бы, это не изменило бы ситуацию.

— Тогда ответьте хотя бы на один вопрос честно, — сказала я и сама услышала, как неприятно царапнуло это почти-прошение. — Меня отпустят?

Он молчал всего несколько секунд, но этих секунд хватило, чтобы я успела придумать и отвергнуть с десятков вариантов. Нет. Потом. Когда решит он. Когда решит кто-то другой. Когда я перестану быть проблемой.

— Я не могу обещать того, что зависит не от меня.

Это было хуже любого отказа.

Я отвернулась первой. Не потому, что испугалась его взгляда, а потому что в груди что-то неприятно сжалось, и мне понадобилась секунда, чтобы не показать этого.

— Значит, теперь мне остается спокойно ждать, пока кто-то другой решит, что делать с моей жизнью?

— Пока — да.

— Замечательно.

Лука не стал спорить. Он вообще ничего не сказал на это, только позволил моим словам повиснуть в воздухе, а затем взглядом едва заметно указал на коридор за своей спиной.

— Столовая находится на первом этаже. Если вы все еще хотите позавтракать, я провожу вас.

— Вы действительно считаете, что после всего произошедшего меня сейчас волнует завтрак?

Он посмотрел на меня с тем самым спокойствием, от которого хотелось бросить в него чем-нибудь тяжелым.

— Нет. Но вы все равно ничего не измените, если останетесь голодной.

Логика была раздражающе здоровой.

Я почти ненавидела ее за это.

— А если я откажусь? — спросила я, хотя уже знала, что никакого настоящего выбора мне не предлагают. Просто хотелось услышать, где именно в его спокойствии спрятана угроза.

Лука даже не посмотрел на дверь, будто запертый замок за моей спиной не имел к разговору никакого отношения.

— Это ваше решение.

— И вы просто уйдете? Без угроз, без уговоров, без фразы о том, что завтрак мне жизненно необходим?

На этот раз в его взгляде мелькнуло что-то почти похожее на усталость.

— Без угроз. Без уговоров, — сказал он. — Завтрак действительно необходим, но я не собираюсь доказывать это силой.

Я смотрела на него дольше, чем требовал ответ. Он стоял у двери спокойно, не перекрывая проход и не делая ни одного движения ко мне, и от этого становилось только неприятнее: насилие здесь не нуждалось в грубости. Ему хватало закрытого замка.

— Телефон мне не вернут?

Он чуть качнул головой.

— Пока нет.

— Значит, связаться с кем-нибудь я тоже не могу.

— Не можете.

Я кивнула, скорее себе, чем ему, пытаюсь выстроить в голове хоть какую-то картину происходящего. Она упорно не складывалась.

— И долго это продлится?

— Я не знаю.

— Или не хотите говорить?

— Если бы знал, я бы не стал вам лгать.

Ответ прозвучал без малейшего пафоса. Он не пытался заслужить мое доверие, не подчеркивал собственную честность и вообще, казалось, не придавал своим словам особого значения. Просто произнес их так же ровно, как все предыдущие фразы, и именно поэтому они неожиданно показались мне правдивыми.

Это было странное ощущение.

Я по-прежнему ничего о нем не знала. Более того, именно этот человек, вероятнее всего, участвовал в моем похищении. И все же где-то глубоко внутри возникла нелепая мысль: Лука не станет обманывать без необходимости. Он может промолчать. Может отказаться отвечать. Но если говорит, то, кажется, говорит правду. Или ту ее часть, которую считает возможным открыть.

Я первой отвела взгляд.

Не потому, что испугалась. Просто внезапно почувствовала, насколько устала. Голова все еще неприятно ныла, а попытки добиться ответов заканчивались одинаково: Лука не спорил, не угрожал, не убеждал, что все происходящее для моего же блага. Он просто выстраивал вокруг каждого вопроса аккуратную стену, перелезть через которую не получалось.

И все же один вопрос застрял глубже остальных.

Я посмотрела на чужую футболку, потом снова на него. Лука проследил за моим взглядом, и впервые за весь разговор его лицо стало чуть менее непроницаемым.

— Кто переодевал меня?

Он ответил не сразу.

Этой паузы хватило, чтобы мне стало холодно.

— Женщина, — произнес он. — Врач.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Но это правда.

Мерзкое напряжение внутри не исчезло, но стало чуть четче. Не легче. Просто теперь у него были края.

— Вы понимаете, что это все равно не нормально?

— Да.

Сказано было так просто, что я на секунду даже растерялась.

— И вас это никак не смущает?

Лука посмотрел на закрытую дверь. Совсем коротко, но я заметила.

— Смущает, — сказал он. — Но не меняет обстоятельств.

Вот именно это в нем и раздражало. Он не прятался за красивыми словами. Не говорил, что мне следует быть благодарной. Не делал вид, будто вежливость отменяет сам факт клетки. Он просто стоял на пороге и спокойно признавал уродство происходящего, оставаясь его частью.

Несколько секунд в комнате стояла тишина. Она уже не казалась такой тяжелой, как раньше, но от этого не становилась менее неловкой. Лука спокойно ждал, словно прекрасно понимал: рано или поздно я либо соглашусь спуститься вниз, либо попрошу его уйти.

— Вы всегда такой терпеливый? — неожиданно спросила я.

Он слегка пожал плечами, и этот почти бытовой жест странно не совпал с запертой комнатой, чужой одеждой и словом «удерживают», все еще стоявшим между нами.

— Да.

— И часто приходится разговаривать с людьми, которых удерживают против их воли?

Вопрос вырвался сам собой. Лука не изменился в лице, но пауза перед ответом стала длиннее.

— Нет.

— Значит, мне повезло?

— Я бы не назвал это везением.

Я невольно усмехнулась.

— Хотя в чем-то мы с вами согласны.

Едва заметная улыбка мелькнула на его лице и тут же исчезла. Станный человек. Казалось, он вообще не умел проявлять эмоции, но иногда они все-таки проскальзывали тихо, почти незаметно, будто он сразу же брал их под контроль.

— Вы все время наблюдаете, — произнес Лука.

Я подняла на него глаза.

— Это плохо?

— Нет.

— Тогда зачем вы об этом сказали?

Он немного помолчал.

— Потому что вы уже успели заметить гораздо больше, чем вам кажется.

На этот раз замолчала я.

Он был прав.

С того момента, как открыл дверь, я автоматически отмечала каждую мелочь: идеально выглаженную рубашку, часы на запястье без единой царапины, отсутствие оружия на виду,

спокойный голос, привычку сначала выслушивать, а уже потом отвечать. Даже сейчас Лука стоял так, чтобы не загораживать выход из комнаты, словно намеренно показывал, что не собирается применять силу.

Или хотел, чтобы я именно так подумала.

Эта мысль заставила меня внутренне напрячься.

— Не анализируйте меня.

Лука чуть склонил голову, и в этом движении не было ни насмешки, ни вызова.

— Почему?

— Потому что мне это не нравится.

Он выдержал короткую паузу.

— Мне тоже.

Я непонимающе посмотрела на него.

— Что именно?

— Когда анализируют меня.

На одно короткое мгновение разговор перестал быть разговором пленницы и человека, который пришел сообщить ей правила. Он стал разговором двух людей, которые одинаково не любили, когда кто-то пытается заглянуть им в голову.

Я опустила взгляд на собственные руки. Паника никуда не исчезла, но постепенно уступала место чему-то гораздо более полезному: любопытству. Если останусь в комнате, буду знать только комнату. Если выйду, увижу хотя бы коридоры. Двери. Людей. Расстояния.

Может быть, выход.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Пойдемте.

Лука молча отступил в сторону, освобождая проход.

Я вышла в коридор и невольно замедлила шаг. Дом оказался гораздо больше, чем представлялся из окна комнаты. Высокие потолки, темные деревянные панели, старые картины в массивных рамах, мягкий свет настенных бра — все выглядело дорого, но без показной роскоши. Здесь не было позолоты, мраморных колонн или кричащей вычурности. Скорее создавалось впечатление, что каждая вещь находится на своем месте уже много лет и никому не приходит в голову что-либо менять.

Я машинально провела ладонью по резным перилам лестницы.

Настоящее дерево.

Не имитация.

— Это старый дом? — спросила я больше для того, чтобы нарушить тишину.

Лука шел на полшага позади, не подгоняя и не позволяя забыть, что я не одна.

— Да.

— Очень старый?

— Больше ста лет.

Я кивнула, продолжая осматриваться. Почти каждая картина изображала один и тот же пейзаж: виноградники, холмы, старые каменные здания. Нью-Йорк на них не был похож совершенно.

— Италия?

На этот раз он посмотрел на меня с едва заметным интересом.

— Почему вы так решили?

— Архитектура. Пейзажи. И рамы явно не американские.

Он ничего не ответил.

Но и не сказал, что я ошиблась.

Мы медленно спустились на первый этаж. Здесь дом уже не казался пустым. Откуда-то из глубины доносился приглушенный звон посуды, негромкие голоса и запах свежесваренного

кофе, смешивавшийся с ароматом теплой выпечки. Настолько обычное утро, что на мгновение мне показалось, будто вчерашний вечер действительно мне приснился.

Именно эта мысль заставила меня остановиться.

Слишком спокойно.

Как будто люди, живущие в этом доме, каждое утро завтракают, обсуждают погоду и планы на день, а убийство, свидетелем которого я стала прошлой ночью, — всего лишь часть их привычной жизни.

Я медленно повернулась к Луке.

— Сколько человек живет в этом доме?

Он не сразу ответил.

— Достаточно.

Разумеется.

Лука первым вошел в столовую и молча отступил в сторону, пропуская меня вперед.

Я переступила порог с куда большей осторожностью, чем хотелось бы показать. Комната оказалась неожиданно светлой. Утреннее солнце наконец пробилось сквозь облака, и его лучи ложились на длинный деревянный стол, заставляя поблескивать серебряные приборы и тонкий фарфор. На мгновение я поймала себя на совершенно нелепой мысли: если не знать, где находишься, можно решить, что приехала в гости к какой-нибудь невероятно богатой итальянской семье.

Мысль исчезла почти сразу.

Слишком свежими были воспоминания о вчерашнем вечере, чтобы уют этого дома смог хоть на секунду меня обмануть.

За столом сидел только один человек. На вид ему было около тридцати. Темные волосы пребывали в легком творческом беспорядке, рукава белой рубашки были закатаны до локтей, а рядом с тарелкой лежал открытый ноутбук, экран которого был усыпан таблицами и цифрами. Он быстро печатал одной рукой, второй лениво помешивал кофе и, судя по всему, прекрасно справлялся с обоими занятиями одновременно.

— Доброе утро, — произнес он, даже не поднимая головы. — Надеюсь, Лука хотя бы не довел вас до желания выпрыгнуть в окно.

Я вопросительно посмотрела на Луку. Тот даже не попытался сделать вид, что вопрос его смутил.

— Окна закрыты.

Мужчина наконец поднял взгляд, несколько секунд внимательно рассматривал меня, после чего со вздохом захлопнул ноутбук.

— Вот поэтому с ним невозможно разговаривать, — доверительно сообщил он, словно мы были знакомы уже много лет. — У него отсутствует жизненно важная функция понимать шутки.

Лука остановился чуть позади меня, и я не видела его лица, но голос остался таким же ровным:

— Она присутствует. Просто ты редко говоришь смешные.

Мужчина театрально развел руками, обращаясь уже ко мне, словно я каким-то образом стала свидетелем давнего семейного преступления.

— Видите? Я с самого утра пытаюсь создать дружелюбную атмосферу, а меня методично уничтожают.

— Пока безуспешно, — заметил Лука.

— Пиздец, Лука, ты сейчас меня ранил.

— Переживешь.

Я фыркнула.

Мужчина тут же повернулся ко мне с выражением человека, который только что выиграл в лотерею.

— Отлично. Значит, чувство юмора у вас все-таки есть. А то я уже начал переживать, что в этом доме нас останется двое: я и мои неудачные шутки.

Лука спокойно прошел к столу и отодвинул для меня стул, будто не слышал половины сказанного.

— Не преувеличивай.

Мужчина поднялся из-за стола. Без привычной улыбки он выглядел иначе: не настороженно, не холодно, просто внимательно, словно пытался понять, что я за человек.

— Марко.

Он протянул руку.

Я посмотрела на его ладонь, потом на лицо и пожимать не стала.

— Кейси.

Марко не обиделся. Просто убрал руку так легко, будто именно этого ожидал, и снова сел, а я перевела взгляд с него на Луку. Они были слишком разными для братьев и слишком привычными друг к другу для случайных коллег.

— Вы братья?

Марко отреагировал с таким неподдельным ужасом, что я едва удержалась от улыбки.

— Господи, нет.

— Слава богу, — совершенно серьезно добавил Лука.

На этот раз я все-таки улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

Улыбка исчезла почти сразу, едва я вспомнила, где нахожусь и почему вообще стою посреди этой столовой. Но этих нескольких секунд хватило, чтобы почувствовать еще одну странность этого дома. Здесь никто не пытался казаться хорошим человеком. Никто не просил доверять им и не убеждал, что все происходящее — для моего же блага. Они просто жили своей обычной жизнью, шутили, спорили и пили кофе так, будто появление похищенной девушки за завтраком было всего лишь еще одним пунктом в расписании дня.

Именно эта спокойная, почти пугающая нормальность заставляла меня нервничать сильнее любых угроз.

Марко заметил, что я все еще стою у входа, и потянулся к кофейнику с видом человека, решившего исправить ситуацию всеми доступными напитками.

— Кофе?

— Нет, спасибо.

— Тогда чай, — предложил он, уже кивая на фарфоровый чайник. — Он, кстати, очень неплохой. Джованни лично следит, чтобы мы не покупали ту бурду, которую американцы почему-то называют чаем.

Я покачала головой, но Марко уже посмотрел на графин с водой, и мне пришлось поднять бровь раньше, чем он успел предложить третий вариант.

— Вы действительно решили перечислить все напитки?

— Конечно, — сказал он совершенно серьезно. — Должен же я с чего-то начать. Разговор о похищении с утра — тема тяжелая, а кофе хотя бы помогает думать.

Я несколько секунд молча смотрела на него, пытаясь понять, он действительно такой или просто очень талантливо играет роль человека, которого совершенно не смущает происходящее.

— Обычно после фразы «вас похитили» люди предлагают успокоительное.

— Было, — легко согласился Марко, устраиваясь поудобнее. — Но потом выяснилось, что кофе работает надежнее.

Лука едва заметно вздохнул.

— Я вообще-то пытаюсь быть гостеприимным.

— Плохо получается.

Я опустила взгляд, пряча невольно появившуюся улыбку, но Марко заметил ее так быстро, будто только ради этого и устроил весь цирк.

— Нет, Лука, ты видел? — оживился он. — Она улыбнулась. Значит, моя методика работает.

— Она улыбнулась не тебе.

— А кому?

— Моему терпению.

Марко театрально прижал ладонь к груди и повернулся ко мне с видом человека, вынужденного жить рядом с трагедией.

— Вот поэтому я и говорю: с ним невозможно разговаривать. Если однажды Лука решит написать автобиографию, она будет состоять из трех страниц. На первой — «Доброе утро». На второй — «Нет». На третьей — «Конец».

Лука спокойно посмотрел на него.

— Из четырех.

— Почему четыре?

— На последней будет содержание.

На несколько секунд за столом повисла тишина.

Я тихо рассмеялась.

Смех вырвался раньше, чем я успела его остановить, и от этого стало не по себе еще сильнее. Эти двое спорили так легко и привычно, словно повторяли разговор, который вели уже сотни раз, а я вдруг поймала себя на мысли, что впервые за все утро перестала думать о запертой комнате.

В этот момент дверь за моей спиной тихо открылась.

Я машинально обернулась. В столовую вошел пожилой мужчина с идеально прямой осанкой. На вид ему было далеко за шестьдесят, но двигался он с такой легкостью, что возраст угадывался скорее по серебристым волосам, чем по походке. В руках он держал большой поднос, а на лице читалось то редкое спокойствие, которое появляется только у людей, давно научившихся не торопиться.

Он прошел мимо меня, словно мое присутствие в столовой было совершенно естественным, и принялся расставлять тарелки. Никто не вскочил, не поздоровался и не начал суетиться. Лука молча отодвинул для меня стул, Марко продолжил пить кофе, лишь мельком наблюдая за происходящим.

Пожилой мужчина поставил перед Марко тарелку и посмотрел на его чашку так, будто чашка давно была уликой.

— Если ты снова заменишь завтрак кофе, черезчас опять будешь жаловаться на желудок.

Марко вздохнул с видом человека, которого несправедливо обвиняют уже не первое десятилетие.

— Во-первых, не буду. Во-вторых, сегодня вторник.

— И что это меняет? — спокойно спросил мужчина.

— По вторникам желудок сотрудничает.

— Любопытная теория.

— Проверена годами.

Пожилой мужчина поднял на него глаза.

— Результатами обследования она, правда, не подтверждается.

Марко на секунду задумался.

— Пиздец. Меня здесь совершенно не ценят.

— Потому что ты невыносим.

— Вот это уже клевета.

— Нет. Констатация.

Я поймала себя на том, что уголки губ снова предательски дрогнули. Марко, конечно, заметил это и оживился так, будто получил официальное подтверждение собственной полезности.

— Видите? Еще немного, и вы сами убедитесь, что жить здесь не так уж плохо.

Я посмотрела на него поверх чашки.

— Вы действительно выбрали именно эту фразу?

Марко замер на полсекунды, потом виновато, но совершенно нераскаянно развел руками.

— Нет. Вообще-то первой была «добро пожаловать», но Лука сказал, что это перебор.

— Потому что это перебор, — сухо подтвердил Лука.

— Вот, — Марко указал на него с видом обвинителя. — Он постоянно ограничивает мой творческий потенциал.

Смешок сорвался с губ и сразу же стало неловко. Я находилась в доме людей, которые удерживали меня против моей воли, а вместо того, чтобы искать способ выбраться, смеялась над их перепалкой.

Пожилый мужчина тем временем поставил передо мной тарелку, чашку с чаем и только после этого впервые посмотрел мне в глаза.

— Доброе утро, синьорина, — произнес он мягко. — Постарайтесь хоть немного поесть.

Я уже собиралась отказаться, но желудок решил вмешаться в разговор без моего разрешения.

В наступившей тишине он предательски заурчал.

Марко открыл рот.

Лука даже не повернулся к нему.

— Нет.

— Я ничего не сказал.

— Поэтому и нет.

Пожилый мужчина едва заметно улыбнулся, а я, впервые за все утро благодарная за чужую сдержанность, перевела взгляд на него.

— Простите... Кажется, я единственная здесь не знаю вашего имени.

— Джованни.

Только имя.

Без фамилии.

Без объяснений.

И почему-то никто за столом не считал нужным добавить что-то еще. Будто этого было достаточно, чтобы все присутствующие сразу поняли, о ком идет речь. Я поймала себя на мысли, что в этом доме вообще почти ничего не объясняют. Люди называют только то, что считают нужным, и молчат обо всем остальном.

Наверное, именно поэтому атмосфера здесь казалась такой странной. Никто не повышал голос, не спорил всерьез, не пытался произвести впечатление. Каждый словно давно знал свое место.

И только я одна до сих пор не понимала, в какую именно историю умудрилась попасть.

Я сделала еще один глоток чая. Горьковатый бергамот неожиданно хорошо сочетался с теплой выпечкой, и это раздражало едва ли не сильнее всего. Дом словно изо всех сил пытался убедить меня, что здесь нет ничего необычного. Люди спокойно завтракали, спорили о кофе, подшучивали друг над другом, а я никак не могла отделаться от мысли, что еще вчера вечером видела смерть.

Несколько минут за столом царило удивительно мирное молчание. Марко вернулся к ноутбуку и что-то быстро печатал, время от времени недовольно хмурясь на экран. Лука нето-

ропливо пил кофе, будто впереди его ждал самый обычный рабочий день, а Джованни, закончив с завтраком, собирал пустые блюда с той же невозмутимостью, с какой несколькими минутах раньше их расставлял.

Я медленно обвела взглядом стол.

Чем дольше я наблюдала за этими людьми, тем сильнее понимала: они совершенно разные. Марко говорил без остановки, Лука предпочитал молчать, Джованни, казалось, вообще не произносил ни одного лишнего слова. Но при этом между ними существовало какое-то почти незаметное взаимопонимание. Они не перебивали друг друга, не спорили по пустякам и словно заранее знали, кто и что сделает дальше. Будто жили по правилам, которые давно стали привычкой.

Я осторожно поставила чашку на блюдце.

— Можно задать вопрос?

Марко поднял голову первым.

— Конечно. Правда, если вопрос касается бухгалтерии, я сегодня в отпуске.

Я невольно усмехнулась.

— Нет. Он касается человека, который решил, что я должна здесь находиться.

Улыбка медленно исчезла с его лица.

Просто будто ее аккуратно стерли.

Я впервые заметила, что Марко умеет становиться серьезным так же легко, как минуту назад шутил. Он ничего не сказал, только отвел взгляд к Луке, и этого оказалось достаточно, чтобы воздух за столом изменился.

— Я могу с ним поговорить? — спросила я уже у Луки.

Он спокойно поставил чашку на стол. Не торопился с ответом, и теперь эта неторопливость уже не казалась просто чертой характера. В этом доме паузы тоже были частью иерархии.

— Пока нет.

— Почему?

— Сейчас он занят.

Я тихо вздохнула.

— У меня начинает складываться впечатление, что это самый занятый человек на планете.

На этот раз никто не улыбнулся.

Не потому, что фраза была неудачной.

Просто она словно прошла мимо.

Джованни молча поставил перед Марко чашку со свежим кофе, Лука едва заметно кивнул ему в знак благодарности, а Марко снова уставился в ноутбук. В комнате ничего не изменилось, и все же я вдруг отчетливо почувствовала: имя этого человека здесь не произносят без необходимости.

Даже молчание вокруг него подчинялось правилам.

Я не знала, кто он.

Не знала, сколько ему лет, как он выглядит и почему именно он принимает решения за всех остальных.

Но в одном была абсолютно уверена.

Рано или поздно мы встретимся.

И почему-то мне казалось, что после этой встречи назад дороги уже не будет.

Глава вторая. Хозяин дома

К восьми утра я уже успел отказать трем людям, подписать два договора и принять одно решение, после которого человек, еще вчера отвечавший за безопасность склада в Палермо, к вечеру должен был исчезнуть из нашей системы так тихо, будто его там никогда и не было.

Кофе на столе давно остыл, но я все равно сделал глоток, дочитал последнюю страницу договора и поставил подпись там, где юристы предусмотрительно оставили тонкую синюю закладку. Винодельня в Тоскане переходила под наш контроль на две недели раньше срока, строительная компания в Нью-Джерси наконец переставала делать вид, что у нее есть выбор, а Марко, судя по трем непрочитанным сообщениям, уже успел найти в отчетах то, что кто-то очень надеялся от него спрятать.

Хорошее утро.

Почти.

В дверь постучали дважды, и я, не поднимая головы, закончил читать абзац, в котором один очень дорогой адвокат пытался шестью строками сказать то, что можно было уложить в два слова: они боятся.

— Входи.

Лука вошел без шума, прикрыл за собой дверь и остановился у стола. Он не сел без приглашения, хотя давно имел на это право; не потому, что помнил о субординации, а потому что привычки, выработанные войной, уходят хуже шрамов.

— Энцо закончил проверку склада, — сказал он без приветствия. — Два человека под замену. Один болтал лишнее, второй слишком часто ошибался в накладных.

Я отложил ручку.

— Второго оставить.

Лука посмотрел на меня внимательнее.

— Он ворует.

— Поэтому оставить, — ответил я, закрывая договор. — Посмотрим, к кому он пойдет, когда поймет, что мы заметили.

Он кивнул сразу, без вопросов. Хороший заместитель не тот, кто выполняет приказы, а тот, кто понимает, зачем они отданы. Именно поэтому Лука до сих пор стоял рядом со мной, а половина людей, начинавших с нами, давно лежала в земле или жила под чужими именами в странах, где никогда не бывает снега.

— Что еще?

Лука не ответил сразу. Пауза была короткой, ровной, почти незаметной, но за пятнадцать лет я научился слышать, когда за ней идет не доклад, а проблема.

— Полиция работает по ночному трупу, — произнес он. — Пока без сюрпризов. Камеры чистые, машина разобрана, район закрыли поздно. Наши имена не всплывают.

— Тогда это не вопрос.

— Есть другой, — сказал Лука, и впервые за все утро голос стал тише. Не мягче. Просто осторожнее. — Девушка.

Не имя.

Не «свидетель».

Не «Кейси Фостер».

Просто девушка.

В этом тоже был смысл: Лука никогда не давал человеку больше веса, чем тот уже имел.

Я хорошо помнил ее вчерашней ночью. Не лицо, лица в таких ситуациях редко имели значение. Я запоминал другое: как человек стоит, когда впервые видит смерть; куда смотрит; сколько секунд проходит, прежде чем он понимает, что бежать уже поздно. Она не закричала.

Не упала. Не стала метаться по переулку, как большинство случайных свидетелей, которые слишком поздно обнаруживают, что реальность не обязана быть безопасной только потому, что они ни в чем не виноваты.

Она смотрела.

На тело. На Луку. На машину.

Слишком долго.

Слишком внимательно.

Вот это мне не понравилось еще тогда.

— Очнулась? — спросил я, снова взяв чашку, хотя кофе давно стал холодным.

— Час назад, — ответил Лука. — Голова болит, серьезных повреждений нет. Комнату осмотрела сразу, дверь проверила дважды, окно тоже. Потом начала задавать вопросы.

— Какие?

— Где вещи, где телефон, кто принимает решения, — он сделал короткую паузу, будто отделял главное от деталей. — Почти сразу поняла, что не я.

Я поднес чашку к губам, но пить не стал.

Злость — нормально. Страх — тоже. Слезы даже удобны, если знать, что с ними делать. А вот девушка, которую ночью забрали с места убийства, а утром она уже выстраивает иерархию дома по ответам Луки, — это не трагедия.

Это проблема.

— Истерики? — спросил я, глядя на него поверх чашки.

— Нет.

— Слезы, угрозы полицией, попытка торговаться?

— Нет, — Лука выдержал паузу ровно настолько, чтобы я услышал то, чего еще не случилось. — Пока.

Я поставил чашку обратно.

Вот поэтому с ним можно было работать: он не продавал мне удобную картину, даже если она выглядела лучше правды.

— Что делает сейчас?

— Завтракает.

— Сама согласилась?

— Да.

— Кто с ней?

Лука промолчал на долю секунды дольше нужного, и я уже знал, что ответ мне не понравится.

— Марко и Джованни.

Я закрыл глаза всего на миг.

Блядь.

Не из-за Джованни. Джованни мог посадить за стол даже человека, пришедшего его убить, и через десять минут заставить того доедать омлет, потому что «на пустой желудок глупости совершаются чаще». А вот Марко за завтраком был стихийным бедствием в белой рубашке. Он мог разговорить свидетеля, судью, охранника, чужую любовницу и, вероятно, труп, если дать ему достаточно времени и приличный кофе.

— Сколько он уже наговорил?

— Меньше, чем мог бы.

Я открыл глаза.

— Это не ответ.

— Это оптимистичная оценка.

Он стоял совершенно спокойно, но уголок его губ едва заметно дрогнул. У другого человека это сошло бы за нервный тик. У него — почти за истерику.

— Она улыбнулась, — добавил Лука.

Вот теперь я посмотрел внимательнее.

— Марко ее рассмешил? — уточнил я медленно. — Через несколько часов после похищения. В моем доме.

— Похоже на то, — произнес Лука так ровно, словно сам до конца не понимал, почему это не самая странная часть утра.

Я провел пальцем по краю стола.

— Передай ему, что, если он решит устроить ей экскурсию по своей очаровательной личности, я запру его с аудиторами на неделю.

— Он скажет, что аудиторы его любят.

— Тогда на две.

На этот раз Лука действительно почти улыбнулся, но тут же убрал выражение с лица, как оружие обратно в кобуру.

— Энцо к ней не подпускать, — сказал я, прежде чем он успел уйти.

— Он будет спрашивать почему.

— Пусть спрашивает.

— Он спросит меня.

— Тогда скажешь, что я не хочу сегодня убирать кровь с пола в жилом крыле.

Лука помолчал.

— Он не настолько идиот.

— Сегодня — возможно. Завтра посмотрим.

Ответ он принял без возражений. Энцо был хорош там, где требовались сила, скорость и отсутствие лишних вопросов. Рядом с испуганной девушкой, которая уже начала понимать структуру дома, эти качества могли превратиться в проблему быстрее, чем Марко успел бы сказать что-нибудь глупое.

— А что делать с ней? — спросил Лука.

Правильный вопрос.

Не «как долго держать».

Не «когда отпустить».

Не «что она знает».

Я поднялся из-за стола и подошел к окну. Во дворе двое охранников менялись сменами, один слишком долго задержал взгляд на машине у гаража, и я отметил это автоматически. Потом разберемся. Дом жил по расписанию, люди двигались там, где должны были двигаться, двери открывались только тем, кому положено, а где-то внизу девушка из книжного магазина сидела за моим столом и, скорее всего, пыталась понять, кто из присутствующих представляет настоящую угрозу.

Пока она ошибалась.

В моем доме все двигалось по правилам. Девушка из переулка была единственной переменной, которую я не выбирал.

— Ничего, — сказал я.

За спиной изменилось молчание.

— Ничего? — переспросил Лука уже иначе.

— Пусть смотрит. Пусть запоминает. Пусть думает, что начинает понимать, где оказалась.

— Это риск.

Я повернулся к нему. Лука редко спорил. Еще реже вслух. Но если спорил, значит, считал, что должен.

— Именно поэтому не дави на нее, — произнес я. — Испуганные люди бегут. Злые ошибаются. Умные ждут момента, когда им покажется, что они нашли слабое место. Мне нужно знать, где она его увидит.

Лука смотрел на меня несколько секунд, потом кивнул.

— Пока она не опасна, — сказал он. — Она просто хочет выбраться. Но если кто-то в этом доме решит, что обычная девушка не способна создать проблемы, я лично объясню ему, насколько он был неправ.

— Марко? — спросил Лука.

— В первую очередь Марко.

— Он скажет, что ты драматизируешь.

— Он часто говорит глупости.

— Это правда, — согласился Лука. — А потом все равно делает правильно.

Я не ответил.

Потому что это тоже было правдой.

Дверь за его спиной неожиданно приоткрылась, и в кабинет вошел Дон Вито. Не проскользнул. Именно вошел: медленно, уверенно, с таким выражением на наглой рыжей морде, будто все происходящее здесь давно требовало его вмешательства. Кот прошел мимо Луки, даже не посмотрев на него, запрыгнул на мой стол и устроился прямо на папке с документами по винодельне.

Я молча смотрел на него.

Он молча смотрел на меня.

— Кажется, переговоры по Тоскане закончены, — заметил Лука.

— Нет, — сказал я, не сводя глаз с кота. — Просто теперь их ведет более жесткая сторона. Дон Вито лениво ударил хвостом по папке.

Один раз.

Как печатать.

Лука тихо выдохнул. Не смех. У него это называлось хорошим настроением.

Я вернулся к столу, взял верхний документ из-под кота ровно настолько, насколько он позволил, и подписал край листа, пока Дон Вито великодушно делал вид, что не замечает моего существования.

— Иди, — сказал я. — Девушку пока не трогать. Марко ограничить. Энцо держать подальше. Джованни пусть делает что хочет.

Лука уже взялся за ручку двери, но остановился.

— А ты?

Я поднял взгляд.

Он не часто задавал такие вопросы.

— А я закончу с Тосканой.

— А потом?

Я посмотрел на закрытую дверь, за которой где-то далеко внизу жила чужая, случайно занесенная в мой дом проблема.

— Потом посмотрим, стоит ли она моего времени.

Лука вышел, тихо прикрыв за собой дверь, а я еще несколько секунд смотрел на документы, не видя ни одной строчки.

Он никогда не спрашивал больше необходимого и никогда не спорил с решениями в тот момент, когда они принимались. Если считал, что я ошибаюсь, говорил об этом до приказа или после, когда оставались только мы двое. При остальных — никогда. Именно поэтому через пятнадцать лет рядом со мной по-прежнему стоял он, а не десяток других людей, слишком часто путавших преданность с услужливостью.

Я доверял Луке больше, чем кому-либо в доме. Не потому, что он был безупречен. Безупречных людей не существовало. Просто он никогда не пытался стать умнее приказа. Бывший военный, привыкший сначала оценивать обстановку, а потом действовать, он воспринимал безопасность не как работу, а как образ мышления. Пока остальные искали угрозу, Лука уже просчитывал, что случится после нее.

С Марко все было наоборот.

Мы выросли на одной улице, дрались с одними и теми же мальчишками, воровали сигареты у одних и тех же взрослых и оба искренне верили, что никогда не будем носить дорогие костюмы. Мне повезло меньше. Ему — тоже. Только Марко до сих пор умудрялся делать вид, будто вся эта жизнь — затянувшаяся шутка, в которой он играет главную роль. Иногда мне казалось, что именно болтовня спасала ему жизнь. Пока человек смеялся, он забывал бояться. А пока забывал бояться, Марко успевал получить нужную подпись, узнать нужную фамилию, найти нужную информацию или убедить собеседника, что заключить плохую сделку было исключительно его собственной идеей.

Энцо был другим. Двадцать семь лет, горячая кровь и слишком большое желание доказать, что ему по плечу все. Он хорошо руководил людьми, не боялся грязной работы и никогда не прятался за чужими спинами. Но каждую проблему видел одинаково: если ее нельзя решить словами, значит, нужно достать оружие. Когда-нибудь из него получится отличный руководитель. Если до этого дня он научится думать хотя бы на пять секунд дольше.

Джованни вообще не вписывался ни в одну категорию. Для посторонних он управлял домом. Для тех, кто знал нашу семью, когда отец был жив, он навсегда оставался консьюэри, человеком, к которому приходили не за приказом, а за советом. Он воспитал меня раньше, чем этим словом начали разбрасываться психологи, и до сих пор оставался единственным человеком, способным зайти в мой кабинет без приглашения, поставить новую чашку кофе вместо остывшей и сказать, что я совершаю ошибку. Не потому, что ему позволено. Потому что право говорить такие вещи он заработал задолго до того, как этот кабинет стал моим.

Иногда я думал, что именно на этих четырех людях и держится вся семья.

Потом вспоминал Марко и поправлял себя.

На трех людях.

Марко держался сам.

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда я решил, что следующие десять минут в кабинете наконец будут принадлежать мне.

Это было наивно.

Я посмотрел на экран, не торопясь отвечать. Марко звонил редко, когда действительно было срочно, и слишком часто, когда ему просто казалось, что его мысли обязаны стать общим достоянием. Разница обычно выяснялась на второй минуте разговора, если он вообще давал кому-то дожить до второй минуты.

Я принял вызов и ничего не сказал.

— Вот это, знаешь ли, пугает сильнее, чем если бы ты сразу начал угрожать, — произнес Марко вместо приветствия. Голос у него был чуть приглушенный, будто он говорил, отвернувшись от стола или прикрыв трубку ладонью. Значит, рядом были люди. Значит, он все-таки не звонил просто потому, что ему стало скучно.

Я подписал нижнюю страницу договора, аккуратно положил ручку поверх папки и только потом ответил:

— У тебя минута.

— О, прекрасно. Люблю, когда наша дружба длиной в двадцать пять лет измеряется кухонным таймером.

— Пятьдесят секунд.

— Блядь, ты невыносим, — выдохнул он без настоящей злости, с той привычной раздраженной нежностью, которую позволял себе только он и которую любой другой человек в этом доме счел бы попыткой самоубийства. — Ладно. Я звоню не потому, что соскучился по твоему голосу, хотя, конечно, в нем есть свое очарование. Мрачное, как подвал налоговой службы, но все же.

Я молчал.

Марко выдержал паузу хуже, чем обычно, и это уже было интересно.

— Она почти ничего не ест, — сказал он наконец, и весь цирк в голосе не исчез, но стал тише. — Джованни поставил перед ней тарелку, как будто собирался лично удочерить, Лука делает вид, что не следит за каждым ее движением, а она сидит между ними и смотрит так, будто пытается понять, где именно в этом доме спрятан выход и кого первым ударить чайником.

— И кого выбрала? — спросил я, открывая следующую папку.

— Меня, разумеется. У нее хороший вкус.

— Значит, плохая оценка угроз.

— Вот видишь? — Марко тяжело вздохнул. — Я же говорил, что ты ранишь людей без ножа.

— Марко.

— Да понял я, понял, — перебил он уже быстрее, и именно эта поспешность выдала его сильнее любого признания. — Суть не в завтраке. И не в том, что она не ест. Она не испуганная, Дамиано. То есть испуганная, конечно, любой нормальный человек после такой ночи был бы испуган, а если нет, то его надо не в столовую, а сразу к врачу. Но она держит страх под замком. Сидит, слушает, отвечает через раз, улыбается, когда я говорю что-нибудь действительно гениальное...

— То есть не улыбается.

— Один раз улыбнулась, — возмутился Марко. — И я требую, чтобы это внесли в протокол.

Я перевернул страницу.

— Дальше.

На том конце послышался тихий смешок, но уже без обычной легкости.

— Дальше она запоминает, — сказал он. — Имена, двери, кто кому отвечает, кто на кого смотрит, когда звучит неудобный вопрос. Она даже Джованни зацепила.

Я поднял взгляд от документов.

— Чем?

— Спросила, давно ли он здесь живет.

— И?

— Он сказал: «Достаточно давно, чтобы знать, когда еда остывает», — Марко почти уважительно хмыкнул. — Она ответила: «То есть достаточно давно, чтобы не отвечать на вопросы». И, клянусь, Джованни почти улыбнулся.

Я откинулся на спинку кресла.

Вот это уже было хуже.

Не улыбка Джованни. Джованни улыбался, когда считал нужным. Хуже было то, что эта девушка перестала просто защищаться и начала проверять людей на прочность.

— Ты звонишь, чтобы сказать мне, что она умная?

— Нет, — слишком быстро ответил Марко и тут же сам себя поймал. — Хотя да. Но не только. Слушай, я понимаю, что для тебя она сейчас пункт в списке, где-то между Тосканой, трупом и Энцо, который опять наверняка делает вид, что слово «осторожно» придумали трусы. Но она не из наших. И именно поэтому может наделать больше дерьма, чем все наши идиоты вместе взятые.

— Ты включаешь себя в этот список?

— Я возглавляю его, — ответил он без паузы.

Это было бы смешно, если бы не было так точно.

Я встал из-за стола и подошел к окну. Во дворе Лука разговаривал с охраной, а у гаража двое людей слишком усердно делали вид, что не ждут распоряжений. Утро шло своим чередом. Дом работал. Система дышала ровно. И где-то внизу за столом сидела девушка, которую эта система должна была либо переварить, либо выплюнуть.

— Она спрашивала обо мне?

Марко не ответил сразу. Он вообще редко молчал там, где можно было вставить хотя бы полслова, поэтому пауза сказала больше, чем его обычные пять предложений.

— Нет, — произнес он наконец. — И вот это странно.

— Почему?

— Потому что хочет спросить, — сказал Марко. — Очень хочет. Каждый раз, когда Лука уходит от ответа, у нее лицо становится такое, будто она мысленно дописывает страницу в книге под названием «Все эти люди меня бесят». Но вслух не спрашивает.

— Значит, учится.

— Значит, ждет.

Я посмотрел на свое отражение в стекле. За ним расплывался сад, мокрый после ночного дождя.

— Ты начинаешь слишком много о ней думать.

— А ты слишком мало, — сказал Марко легко, почти буднично, и именно поэтому фраза попала.

Я медленно повернулся от окна.

— Осторожнее.

— Да я осторожен, — ответил он, и в голосе снова появилась привычная усмешка, но теперь она держалась на честном напряжении. — Я чертовски осторожен. Настолько осторожен, что звоню тебе, вместо того чтобы продолжать очаровывать нашу гостью и спасать остатки репутации этого дома.

— У этого дома нет репутации.

— Вот именно. Я работаю с нуля.

— Прекрати пытаться ей понравиться.

Марко тихо рассмеялся.

— Ты сейчас сказал это таким тоном, будто я соблазняю важного свидетеля за омлетом.

— А ты?

— Господи, нет, — выдохнул он. — Во-первых, омлет приготовил Джованни, и на его фоне соблазнять кого-либо просто нечестно. Во-вторых, она смотрит на меня так, будто при первой возможности проверит, насколько хорошо фарфор летает в голову. И, в-третьих...

Он замолчал.

Я ждал.

С Марко это работало лучше, чем любые вопросы: если не давать ему сопротивления, он рано или поздно договаривал сам.

— Блядь, Дамиано... она вообще обычная, — сказал он уже тише. — Понимаешь? Вот в этом вся проблема. И это почему-то хуже всего.

Я не любил это слово.

Нормальная.

В нашем мире оно почти всегда означало «не подготовленная».

— Нормальные люди быстро перестают быть нормальными, когда попадают не туда.

— Да, — согласился Марко без шутки. — Вот поэтому я и звоню.

Я закрыл глаза на секунду.

Вот же, блядь.

Не из-за девушки.

Из-за того, что Марко, при всей своей болтовне, редко ошибался в людях.

— Она останется жива, — сказал я, прежде чем он успел задать вопрос.

На том конце стало тихо. Не драматично. Просто Марко перестал играть.

— Пока ты не решишь иначе.

— Пока у меня не появится причина решить иначе.

— Это не одно и то же.

— Для нее — одно.

Он выдохнул так, будто хотел сказать что-то еще, но вовремя вспомнил, с кем разговаривает.

— Ладно.

— Марко.

— Да?

— Если ты хоть раз скажешь ей, что все будет хорошо, я заставлю тебя месяц работать с аудиторами без кофе.

— Жестоко, — сказал он уже тише.

— Это не шутка.

— Я понял.

— Нет, не понял, — произнес я. — Она не ребенок. Не клиент. Не женщина, которую нужно успокоить красивой фразой. Если начнешь ее жалеть, она почувствует это быстрее, чем ты успеешь спрятаться за очередной дурацкой улыбкой.

Марко долго молчал. На этот раз я почти видел, как он сидит за столом, вертит в пальцах ложку и впервые за утро не знает, куда деть собственную энергию.

— А если она уже почувствовала? — спросил он.

— Тогда исправь.

— Как?

— Перестань вести себя так, будто ей нужно тебя простить.

Он не ответил.

И вот теперь я понял, что попал туда, куда хотел. Марко мог шутить над чем угодно, кроме собственной вины. А вина у него появлялась каждый раз, когда рядом страдал кто-то, кто не выбирал этот мир сам.

— Ты мудака, — сказал он наконец.

— Знаю.

Он хмыкнул, но без смеха.

— Ладно. Я понял. Не жалеть, не обещать, не строить из себя спасателя.

— И меньше говорить.

— Вот это уже личное.

— Это приказ.

— Блядь, ну конечно, — пробормотал Марко, но в голос постепенно возвращалась прежняя живость. — Сначала лишит человека кофе, потом смысла жизни. Что дальше? Запретишь мне дышать без письменного разрешения?

— Если начнешь мешать — да.

— Иногда я скучаю по временам, когда мы были бедными и ты хотя бы притворялся человеком.

— Я никогда не притворялся.

— Вот именно, — сказал Марко. — В этом и проблема.

Я посмотрел на дверь кабинета.

— Иди завтракать.

— Да, босс, — произнес он нарочито легко, но мы оба услышали, что разговор закончился не там, где начался.

— И, Марко.

— М-м?

— Если она спросит обо мне...

— Не отвечать? — быстро уточнил он.

— Отвечать.

Пауза.

— Что именно?

Я медленно провел пальцем по холодному краю чашки.

— Правду.

Марко молчал слишком долго.

— Какую из них?

Вот за это я его и держал рядом.

Он всегда слышал, где простое слово становится ловушкой.

— Что я занят.

— Это всё?

— Этого достаточно.

— Для нее — нет.

— Для нее вообще ничего не будет достаточно.

— Тогда почему...

— Потому что все остальное я скажу сам.

Марко тихо присвистнул.

— Ну вот. А ты говорил, что я драматизирую.

Я отключил звонок. На этот раз не потому, что он меня раздражал. Потому что сказал достаточно.

Снова открыл договор по Тоскане, заставляя себя вернуться к цифрам. Работа всегда была лучшим способом привести мысли в порядок.

Но уже через несколько секунд поймал себя на том, что второй раз подряд читаю одну и ту же страницу.

Я тихо выругался.

— Блядь.

Закрыв папку, взял ключи со стола и вышел из кабинета.

Глава третья. Дом без замков

Тишина оказалась гораздо хуже страха. К страху организм, как выяснилось, привыкает удивительно быстро. Он просто устает все время держать тебя в напряжении и начинает экономить силы, подсовывая вместо него что-нибудь другое. В моем случае выбор пал на раздражение. Оно было липким, назойливым и абсолютно бессмысленным. Меня раздражало буквально все: идеально заправленная кровать, которую, кажется, можно было фотографировать для дорогого журнала про интерьер; огромные окна, выходившие в сад, где сейчас наверняка светило солнце, хотя я даже не знала, какое сегодня число; тяжелые шторы, картины, запах дерева, чертов фикус в углу комнаты, который выглядел так, будто прожил здесь дольше всех остальных. Особенно раздражал фикус. Стоял себе спокойно, никого не трогал и явно чувствовал себя в этом доме гораздо свободнее, чем я. Хотя, если задуматься, у него хотя бы был горшок. А я даже не знала, где, мать его, нахожусь.

Я тяжело выдохнула, перевернулась на спину и уставилась в потолок. Минут пять назад мне показалось, что лепнина над кроватью немного отличается с левой стороны. Потом я убедилась, что это просто игра света. Потом снова начала искать отличия. Великолепно. Прошло меньше суток с момента похищения, а я уже развлекаю себя поиском асимметрии на потолке. Еще немного, и начну вести философские беседы с комнатными растениями. Хотя... я покосилась на фикус. Если выбирать между ним и Марко, растение пока уверенно выигрывает конкурс «Самый молчаливый собеседник». Господи... я действительно сейчас сравнила человека с деревом. Кажется, психотерапевт, к которому я никогда не ходила, уже мысленно покупает себе новую машину.

Марко. Стоило вспомнить его, как я снова поймала себя на совершенно идиотской мысли. Он не вязался со всем остальным. Вообще. Если бы вчера вечером меня захихикали в подвал, связали, начали угрожать ножом или хотя бы смотрели исподлюбя, все происходящее казалось бы... логичным. Ужасным, но логичным. Вместо этого меня привезли в огромный дом, выделили спальню, дали одежду, утром накормили завтраком, познакомили с пожилым мужчиной, который переживал, поела ли я, и с каким-то невозможным типом, способным превратить обычный омлет в стендап-концерт. Нет, я не забыла, кто они. Не забыла, что вчера ночью видела труп. Не забыла машину, кровь и человека в черной рубашке, который даже не вышел ко мне. Но мозг — настоящий предатель. Ему обязательно нужно за что-нибудь зацепиться, чтобы не сойти с ума. Вот он и цеплялся за Марко, потому что с ним было проще. Потому что болтовня всегда кажется безопаснее молчания. А это, наверное, самая опасная ловушка из всех возможных.

Я резко села, опустив ноги на пол. Хватит. Если продолжу лежать здесь и накручивать себя, к вечеру действительно начну разговаривать с фикусом. Или с люстрой. Хотя нет, люстра выглядела слишком высокомерной. Она наверняка проигнорировала бы меня так же, как человек в черной рубашке прошлой ночью. Я невольно поморщилась. Странно, но именно он вспоминался чаще остальных. Не лицо — я его почти не рассмотрела. А ощущение. Будто все вокруг постоянно ждали именно его решения. Лука. Марко. Даже тот пожилой мужчина. Никто не произносил его имени, но оно висело в воздухе, как запах дождя перед грозой. И чем дольше я об этом думала, тем сильнее понимала одну очень неприятную вещь. Все в этом доме кого-то боялись. Не панически. Не так, как бояться психопата с пистолетом. Нет. Они уважали его настолько, что даже в разговоре постоянно оставляли ему место. И почему-то от этого становилось намного страшнее.

Мой взгляд снова остановился на двери. Она по-прежнему была закрыта. Не заперта — именно закрыта. Я знала это, потому что уже раза четыре подходила проверить ручку, каждый раз надеясь, что за это время хоть что-нибудь изменилось. Не изменилось. И именно это раз-

дражало сильнее всего. Да закройте вы ее, черт возьми. Повесьте замок. Поставьте охранника. Сделайте хоть что-нибудь, чтобы я могла честно сказать самой себе: «У тебя не было шанса». Вместо этого эти психи оставили мне иллюзию выбора. Мол, иди куда хочешь. Только мы оба прекрасно знаем, что идти тебе некуда. И вот эта проклятая уверенность бесила до зубного скрежета. Получалось, они настолько спокойны? Насколько уверены, что я не сбегу? Или... настолько хорошо знают этот дом, что даже не считают нужным меня запирасть?

Я медленно поднялась и подошла к двери. На этот раз без внутреннего спектакля, без попыток убедить себя, что еще рано. Просто подошла. Положила ладонь на прохладную бронзовую ручку и неожиданно замерла. Сердце почему-то забилося быстрее именно сейчас, а не прошлой ночью, когда меня заталкивали в машину. Наверное, потому что тогда у меня вообще не было выбора. Сейчас он появился. Маленький. Почти смешной. Сделать один шаг. Всего один. И почему-то именно этот шаг казался самым страшным за последние сутки.

Я так и не отпустила ручку двери сразу.

Стояла на пороге, словно за этой тонкой деревянной створкой заканчивалась одна жизнь и начиналась другая. Хотя, если уж быть честной, другая жизнь началась еще вчера вечером, когда меня бесцеремонно затолкали в черную машину, а человек в черной рубашке даже не удосужился выйти наружу. Просто тогда у меня не осталось времени это осознать. Страх всегда очень практичен. Он не дает философствовать. Он требует выжить. А вот теперь, когда никто не хватал меня за локоть, не кричал и не приставлял пистолет к виску, мозг решил наверстать упущенное и с каким-то мазохистским удовольствием начал раскладывать происходящее по полочкам.

Получалось плохо.

Я все еще не понимала главного.

Если я им действительно нужна — почему меня оставили одну?

Если не нужна — почему вообще привезли сюда?

И, что раздражало сильнее всего, я уже перестала верить, что ответ окажется простым.

В коридоре было прохладнее, чем в комнате. Воздух пах деревом, полиролью и чем-то едва уловимым... кофе, кажется. Настоящим, свежесваренным. Насколько обычный запах, что от него неожиданно защемило где-то внутри. Господи, да еще вчера утром я точно так же варила себе кофе, одновременно пытаюсь найти второй носок и отвечая коллеге на голосовые. Она наверняка сейчас сходит с ума. Или уже обзвонила половину города. Хотя нет... сначала она бы решила, что я проспала. Потом написала бы что-нибудь вроде: «Если ты опять опоздала на работу, я лично тебя придушу». Потом начала бы злиться. А потом... Потом, наверное, испугалась бы по-настоящему.

Об этом сейчас думать нельзя.

Потому что стоит один раз представить, как люди, которых ты любишь, ищут тебя, и выбраться из этой мысли уже невозможно.

Я медленно пошла вперед, машинально проводя кончиками пальцев по гладкой деревянной стене. Не потому, что искала тайную кнопку или скрытую дверь. Просто хотелось почувствовать хоть что-то настоящее. Дом оказался... странным. Не роскошным — роскошью меня уже трудно было удивить после всех этих блогеров, которые снимали экскурсии по виллам за двадцать миллионов. Именно странным. В нем не было показухи. Ни золотых канделябров, ни гигантских ваз, ни портретов суровых прадедов с винтовками. Все выглядело дорого, но спокойно. Так обставляют дом люди, которым давно ничего никому не нужно доказывать.

От этой мысли стало не по себе.

Такие люди обычно опаснее остальных.

Я остановилась возле одной из картин. Пейзаж. Море. Скалы. Серое небо. Никаких подписей. Никаких табличек. Ничего, что помогло бы понять, где я вообще нахожусь. Только сейчас я поймала себя на том, что уже автоматически ищу любые зацепки. Название города на

фотографии. Газету на столике. Календарь. Хоть что-нибудь. Смешно... Еще вчера я бы даже не посмотрела на эту картину. Сегодня готова была благодарить художника, если бы он догадался нарисовать где-нибудь дорожный указатель.

— Бесполезно, — пробормотала я себе под нос.

Я уже собиралась идти дальше, когда снизу донесся смех.

Громкий.

Живой.

Настолько неуместный в доме, где, если верить моей логике, должны были исключительно угрожать людям и обсуждать поставки оружия, что я невольно замерла.

Потом раздался знакомый голос Марко.

Конечно.

Кто еще способен смеяться так, будто мир вообще никогда не слышал слова «проблемы»?

Я не разобрала ни единого слова, но почему-то отчетливо представила, как он сейчас жестикулирует, перебивает сам себя, хватая кого-нибудь за плечо и искренне удивляется, почему окружающие не разделяют его восторг. Странный человек. Чертовски странный. Наверное, именно поэтому он так раздражал. И именно поэтому рядом с ним на секунду становилось легче.

Я раздраженно закатила глаза.

— Соберись, Кейси, — тихо сказала я самой себе. — Ты серьезно сейчас анализируешь чувство юмора одного из своих похитителей? Может, еще составишь им рейтинг гостеприимства? Пять звезд, отличный сервис, завтрак включен, персонал разговорчивый...

Я осеклась и тихо выругалась.

— Блин...

Шутка неожиданно перестала казаться смешной.

Потому что за ней скрывалась очень неприятная правда.

Этот дом слишком быстро начинал казаться... обычным.

А ничего обычного в нем не было.

И если я хоть на секунду об этом забуду, то совершу самую большую ошибку в своей жизни.

Я почти дошла до конца коридора, когда заметила дверь, которую раньше не увидела. Темное дерево, матовая латунная ручка, никаких табличек, никаких надписей. Обычная дверь. Хотя после вчерашней ночи слово «обычная» вообще потеряло всякий смысл. Я уже собиралась пройти мимо, как замок тихо щелкнул. Настолько негромко, что, наверное, любой другой человек даже не обратил бы внимания. Я обратила. После всего случившегося организм решил, что теперь каждый новый звук заслуживает отдельного расследования.

Дверь открылась не сразу. Сначала появилась узкая полоска света, потом кто-то негромко сказал несколько слов по-итальянски. Я не поняла ни одного, но голос был спокойный, низкий, без раздражения и без попытки звучать жестче, чем есть. Так разговаривают люди, которых и без того слушают. Через секунду из кабинета неторопливо вышел большой рыжий кот. Настолько уверенный в себе, что я невольно моргнула. Он даже не посмотрел по сторонам. Просто вышел, лениво потянулся, сел посреди коридора и с абсолютно невозмутимым видом принялся вылизывать лапу, будто каждый день начинал именно так — с инспекции собственного коридора. Я едва заметно улыбнулась.

Кот не удостоил меня даже взглядом.

Чертовски наглый.

Мне уже начинало казаться, что наглость вообще обязательное качество для всех обитателей этого дома.

Из кабинета вышел мужчина.

И улыбка исчезла сама собой.

Не потому, что я испугалась. Испуг случился еще вчера. Сейчас произошло что-то другое. Скорее узнавание. Мозг вдруг сложил картинку, которую все это время никак не мог собрать целиком. Черная машина. Свет фонаря. Человек, который так и не вышел наружу. Темная рубашка. Тогда я почти не рассмотрела его лица — слишком далеко, слишком темно, слишком страшно было смотреть дольше нескольких секунд. Но ощущение осталось. Именно оно сейчас ударило сильнее всего.

Это он.

Он закрыл дверь кабинета, не оборачиваясь что-то сказал тому, кто остался внутри, дождался короткого ответа и только после этого спокойно положил папку с документами на небольшой консольный столик у стены. Ни одного лишнего движения. Ни малейшей суеты. Казалось, даже время рядом с ним текло немного медленнее. Не потому, что он специально производил впечатление. Наоборот. Будто ему вообще было безразлично, какое впечатление он производит.

И вот это настораживало больше всего.

Я слишком хорошо знала людей, которые постоянно стараются казаться сильнее. Такие громче говорят, шире расставляют плечи, чаще повышают голос. Им нужно, чтобы окружающие увидели силу.

Этому человеку ничего не было нужно.

Он уже знал, кто он.

И почему-то именно от этой мысли по спине медленно пополз холодок.

Наверное, мне следовало уйти.

Вернуться в комнату.

Сделать вид, что вообще не выходила.

Но вместо этого я продолжала стоять на месте, будто собственные ноги внезапно решили уволиться и больше не выполнять мои распоряжения. Прекрасно. Сначала мозг начинает разговаривать с фикусом, теперь ноги объявляют забастовку. Такими темпами к вечеру останется только начать спорить с мебелью.

Мужчина наконец поднял голову.

Наши взгляды встретились.

И впервые за последние сутки я по-настоящему поняла, почему Лука не спорит, Марко, при всей своей болтливости, ни разу не позволил себе перейти границу, а Джованни, разговаривая о хозяине дома, ни разу не произнес его имени без какой-то почти незаметной внутренней осторожности.

Дело было не в страхе.

Страх заставляет людей суетиться.

Здесь было что-то другое.

Спокойствие человека, который настолько привык принимать решения, что перестал задумываться, как они выглядят со стороны.

Он несколько секунд молча смотрел на меня. Не разглядывал. Не оценивал. Просто смотрел. И это молчание почему-то оказалось куда тяжелее любых вопросов, которые я успела придумать за последний час. Мне вдруг совершенно по-детски захотелось первой нарушить тишину, сказать хоть что-нибудь, лишь бы перестать чувствовать себя школьницей, которую вызвали к директору, хотя она еще даже не успела ничего натворить.

Не успела.

Или уже успела.

Потому что уголок его губ едва заметно дрогнул, словно он без труда прочитал эту мысль у меня на лице.

— Значит... — произнес он спокойно, и голос оказался именно таким, каким я его представляла. Тихим. Ровным. Опасно ровным. — Вы все-таки решили выйти из комнаты.

Он произнес это так спокойно, что первые несколько секунд я вообще не поняла, обращается ли он ко мне или просто думает вслух. Вопрос не прозвучал как вопрос. Скорее как констатация. Будто он заранее знал, что рано или поздно я окажусь здесь, в этом коридоре, и сейчас лишь отметил про себя: да, именно сейчас. От этого становилось неуютно. Я почему-то всю ночь представляла нашу первую встречу совершенно иначе. В моем воображении человек, который руководит подобными людьми, обязательно должен был быть... громче. Жестче. Опаснее. Такие обычно любят производить впечатление. Говорят медленно, чтобы их боялись. Или, наоборот, резко, чтобы собеседник не успевал думать. Этот не делал ни того, ни другого. Он просто стоял напротив, будто ничего необычного не происходило. Будто встретил в собственном доме не похищенную девушку, а соседа, случайно зашедшего вернуть соль.

Меня это бесило.

— Разочарованы? — спросила я, прежде чем успела подумать. — Или ставили ставки, сколько я продержусь?

Фраза прозвучала резче, чем хотелось. Хотя... кого я обманываю? Именно так и хотелось. Если уж бояться, то хотя бы с достоинством. Или с тем, что от него осталось после вчерашней ночи.

Он посмотрел на меня внимательнее. Не так, будто я сказала что-то дерзкое. Скорее так смотрят на человека, который неожиданно свернул разговор не туда, куда от него ожидали. Несколько секунд ничего не происходило. Ни одной эмоции на лице. Ни одной попытки осадить меня. Потом он совершенно спокойно ответил:

— Нет.

И снова замолчал.

Я ждала продолжения.

«Нет, потому что...»

«Нет, но...»

Хоть что-нибудь.

Ничего.

Одно короткое слово — и тишина.

Господи, как же неудобно разговаривать с человеком, который не считает нужным заполнять паузы.

— И всё? — не выдержала я. — Это весь ответ?

— А что вы еще ожидали услышать?

Вот оно.

Первая эмоция.

Не улыбка.

Не издевка.

Что-то настолько сухое, что я не сразу поняла, пошутил он сейчас или нет. И именно это окончательно вывело меня из равновесия. Потому что Марко шутил так, будто хотел расшевелить весь мир. Этот сказал одну фразу и снова стал серьезным. Даже не стал ждать моей реакции.

— Обычно люди хотя бы делают вид, что пытаются поддержать беседу.

Он чуть склонил голову и ничего не ответил.

Я отвернулась к окну, просто чтобы перестать смотреть ему в глаза. Сад был идеально ухоженным. Аккуратные дорожки, подстриженные кусты, несколько старых оливковых деревьев. Настолько красиво, что хотелось выругаться. Даже природа здесь выглядела так, будто заранее подписала контракт с дизайнером.

— Красиво, — пробормотала я скорее себе, чем ему.

— Да.

Я тихо фыркнула.

— У вас словарный запас случайно не оплачивается по количеству букв?
Сбоку послышался очень тихий выдох.

Не смешок.

Скорее человек на секунду задержал дыхание, чтобы не улыбнуться.

— Нет.

Я закрыла глаза.

— Господи...

— Что?

— Вы специально это делаете? — я повернулась к нему.

— Что именно?

— Отвечаете одним словом.

— Не всегда.

— Сейчас — всегда.

Он посмотрел на меня так спокойно, что мне снова захотелось сказать какую-нибудь колкость. Не потому, что она была нужна. Просто молчание рядом с ним ощущалось как поражение.

— А знаете, что самое неприятное?

— Нет.

— Я начинаю понимать, почему тот болтун за завтраком разговаривает без остановки.

Во взгляде мелькнуло живое.

— Марко?

Я кивнула.

— Если бы мне каждый день приходилось разговаривать с вами, я бы тоже компенсировала это количеством слов.

Я уже приготовилась к очередному «нет», но вместо этого он неожиданно сказал:

— Марко тоже так считает.

Я не выдержала и вдруг тихо рассмеялась.

Это вышло само собой, быстрее, чем я успела вспомнить, где нахожусь. Смех прозвучал неожиданно живо, почти по-настоящему, и в ту же секунду будто ударился о стены этого огромного дома. Я резко замолчала.

Господи...

Что я вообще творю?

Несколько секунд назад я язвила человеку, который, скорее всего, руководит одной из самых опасных семей в этой части страны, а теперь еще и смеюсь в его присутствии.

У меня либо окончательно сдали нервы.

Либо инстинкт самосохранения собрал вещи и молча съехал.

Я осторожно подняла глаза.

Он продолжал смотреть на меня так же спокойно.

Без насмешки.

Без победного удовлетворения.

Без этого раздражающего мужского самодовольства, которое обычно появляется у людей, когда им удается выбить собеседника из равновесия.

Будто ничего особенного не произошло.

Будто эта короткая секунда была не важнее любой другой.

И почему-то именно это заставило меня растеряться окончательно.

Потому что впервые за последние сутки рядом с этим человеком мне стало страшно не из-за того, что он может сделать.

А из-за того, что я совершенно не понимала, чего от него ждать.

Глава четвертая. Цена ошибки

К шести утра порт уже жил своей жизнью. Огромные контейнеры медленно плыли над бетонной площадкой, краны скрипели так привычно, что рабочие давно перестали обращать на них внимание, где-то за рядами металла нутужно ревел погрузчик, а ветер с моря тянул соль, сырость и тяжелый запах дизельного топлива. Большинство людей чувствовали здесь только ржавчину, масло и воду. Я за пятнадцать лет научился чувствовать кое-что еще: деньги. Они пахли почти так же, холодно.

Я заглушил двигатель, но выходить не спешил. Через лобовое стекло порт всегда выглядел системой. Контейнеры двигались по своим маршрутам, охрана знала посты, люди знали обязанности, цифры сходились с документами. Все было просто и предсказуемо. Стоило открыть дверь машины, и система снова превращалась в людей, а люди, в отличие от цифр, слишком часто принимали решения, последствия которых потом приходилось оплачивать мне.

Лука уже ждал возле ангара. Руки привычно убранные в карманы пальто, лицо спокойное, взгляд скользнул по машине всего на секунду и сразу вернулся к открытым воротам. Со стороны можно было подумать, что он просто вышел встретить меня, но я слишком давно его знал. Лука становился особенно спокойным только тогда, когда новости были настолько плохими, что злость уже ничем не помогала.

Мы обменялись короткими кивками и молча направились внутрь. Он никогда не начинал разговор на улице. Не потому, что боялся чужих ушей. Просто предпочитал сначала убедиться, что стены действительно работают на нас.

Внутри было прохладнее. Бетон за ночь не успел прогреться, в воздухе висел запах машинного масла и влажного металла, а возле открытого контейнера стояли наши люди. Слишком тихо. Никто не разговаривал. Даже Энцо, и вот это уже было странно.

Когда Энцо злился, он не умел стоять на месте: начинал мерить шагами ангар, спорил со всеми подряд, матерился так вдохновенно, будто ругань могла решить проблему быстрее пули. Если же он молчал, значит, злость уже успела превратиться во что-то гораздо опаснее.

Услышав наши шаги, он резко обернулся. По тому, как заходили желваки, я понял: держится из последних сил.

— Наконец-то, — процедил Энцо, даже не здороваясь, и зло провел ладонью по лицу, будто пытался стереть накопившееся раздражение. — Еще минут пять, и я бы сам поехал искать эту мразь.

Я не ответил. Сначала подошел к контейнеру.

Пломбы были сняты слишком аккуратно. Не сорваны, не выломаны, именно сняты. Так работают люди, которые заранее знают, что ищут, и рассчитывают уйти незамеченными. Несколько ящиков сдвинули всего на несколько сантиметров. Рабочий никогда бы этого не увидел. Я замечал подобные вещи раньше, чем собственное раздражение.

Кто-то пришел сюда не искать. Кто-то пришел сюда проверить.

— Докладывай, — произнес я, проводя ладонью по холодному металлу.

— Нас, блядь, продали, — выдохнул Энцо с таким злым смешком, будто это слово давно стояло у него на языке и только ждало меня.

Я перевел взгляд на Луку. Он ничего не сказал, только едва заметно кивнул. Значит, на этот раз Энцо говорил не только на эмоциях.

— Что пропало?

— Ничего, — сказал Энцо, и вот теперь уже рассмеялся резче, почти без веселья. — В этом и цирк. Ни черта. Они вскрыли три ящика. Только три из сорока. И угадай, какие именно.

Я молча ждал.

— Те самые, — добавил он уже тише, внимательно следя за моей реакцией. Потом все-таки взял себя в руки и заговорил спокойнее, а это всегда было хорошим признаком: значит, начинал думать. — Кто-то заранее знал маршрут. Знал, где искать. Знал, что именно придет этой ночью.

— Или хотел убедиться, что информация верна, — негромко произнес Лука.

Энцо резко повернулся к нему.

— Ты сейчас серьезно? После всего этого ты все еще ищешь оправдания?

— Нет, — Лука спокойно выдержал его взгляд. — Я ищу разницу между догадкой и доказательством.

Энцо устало потер шею, отвернулся и тихо выругался себе под нос. Было видно, что спорить хочется, но еще лучше он понимал: Лука никогда не говорил ради спора.

— Ладно, — бросил он через плечо. — Тогда скажи, сколько еще мы будем искать эти доказательства?

— Пока не узнаем имя.

Я наблюдал за ними молча. Именно поэтому они были рядом со мной столько лет. Энцо замечал опасность первым. Лука не позволял ему назначить виновного раньше времени. Один двигался вперед быстрее собственной злости, второй заставлял всех остальных сначала думать. По отдельности оба были проблемой. Вместе они удерживали друг друга в нужных границах.

— Камеры? — спросил я.

Лука достал телефон и быстро открыл отчет службы безопасности.

— Отключили за три минуты до прибытия контейнера, — сказал он. — Не взломали, именно отключили.

— Красиво, — коротко усмехнулся Энцо. — Значит, кто-то знает не только маршрут. Он знает, где стоят камеры, кто их обслуживает и когда меняется смена.

Я еще раз посмотрел на вскрытые пломбы, потом на контейнер и медленно обвел взглядом людей, собравшихся вокруг.

— Искать будем не того, кто пришел сюда ночью, — сказал я тихо.

Повисла тишина. Даже Энцо больше не пытался спорить.

— Искать будем человека, который вчера спокойно сидел с нами за одним столом.

Телефон в кармане коротко завибрировал как раз в тот момент, когда я закончил осматривать последний ящик. Несколько человек машинально повернули головы, но почти сразу сделали вид, что ничего не заметили. Хорошие люди всегда знают, куда смотреть. Еще лучшие — куда смотреть не стоит.

Я достал телефон и невольно усмехнулся.

Марко.

Если он находил проблему, то звонил сразу. Если находил две — тем более. А если проблем не было вовсе, обязательно звонил убедиться, что мир окончательно не сошел с ума без его участия.

— Если ты сейчас скажешь, что занят, — заявил он вместо приветствия таким тоном, будто мы продолжали разговор, а не начинали его, — я приеду в порт лично и найду способ испортить тебе настроение.

Я провел пальцами по краю аккуратно снятой пломбы. Работали почти безупречно. Слишком чисто для людей, пришедших за добычей. Рядом нетерпеливо сопел Энцо, а Лука стоял чуть поодаль и, как всегда, молчал. Я был почти уверен: он сейчас слушает не разговор, а меня. За мной в такие моменты всегда стоило наблюдать внимательнее, чем за отчетами.

— Уже испортили? — Марко не дождался ответа и тихо хмыкнул. — Или мне еще есть куда расти?

— Уже.

На том конце линии сразу стало тише. Марко умел болтать без остановки, но также хорошо чувствовал момент, когда шутки заканчивались.

— Насколько?

— Пока не знаю.

— Значит, все совсем хреново, — сказал он уже без легкости. — Ладно, слушай. Помнишь «Сантори»?

— Да.

— Забудь.

Я медленно поднял взгляд на Луку. Он сразу заметил перемену в моем лице, но ничего не спросил. Энцо же, наоборот, начинал терять терпение. Он несколько раз прошелся вдоль контейнера, раздраженно пнул деревянный поддон и наконец не выдержал.

— Только не говори, что этот «специалист» опять звонит из-за бумажек.

— Подожди, — я прикрыл микрофон ладонью.

Энцо шумно выдохнул, посмотрел на меня так, будто хотел возразить, но, встретившись со мной взглядом, только раздраженно потер шею и отвернулся.

— Что значит «забудь»? — спросил я Марко.

— То и значит, — ответил он. — Компании больше нет. Документы есть, контракты есть, печати есть, а самой компании нет. Адрес пустой. Счета закрыты. Люди исчезли так, словно их никогда не существовало.

Я ничего не сказал.

Марко тоже выдержал паузу. Он всегда так делал, когда хотел, чтобы собеседник сам дошел до следующей мысли.

— Деньги ушли три дня назад, — продолжил он уже совсем другим голосом. Исчезла привычная ирония. Осталась только работа. — Сто восемьдесят тысяч.

— Да это... — Энцо презрительно фыркнул.

— Подожди, — перебил я, и он снова осекся.

— Именно поэтому я и звоню, — сказал Марко. — Сумма слишком маленькая. Любой финансовый директор махнул бы рукой. Но она ушла в день подготовки сегодняшней поставки.

Я медленно перевел взгляд на вскрытый контейнер, потом на пломбы, потом на Луку.

Он понял меня раньше, чем я успел заговорить.

— Одна цепочка, — произнес он.

Я кивнул.

Энцо несколько секунд смотрел то на меня, то на Луку, потом устало провел ладонью по лицу. Было видно, как внутри него складывается картина, которая ему совсем не нравилась.

— Значит, нас не пытались обворовать, — сказал он уже без прежней злости и сам же закончил мысль, будто пробовал ее на вкус: — Нас изучали.

Вот теперь это слово прозвучало правильно. Не как эмоция, а как диагноз.

Я снова поднес телефон к уху.

— Марко, подними все новые компании за последние полгода, все платежи за две недели до сегодняшнего дня и найди мне связь между «Сантори» и Палермо.

На другом конце линии повисла короткая пауза. Когда Марко снова заговорил, в его голосе не осталось ни капли прежней легкости:

— Думаешь, это одна игра?

Я еще раз провел пальцами по холодной пломбе. Она была снята почти идеально. Почти.

— Нет, — спокойно ответил я. — Думаю, игра началась раньше. Просто сегодня мы впервые это заметили.

Я убрал телефон в карман, но взгляд так и остался на контейнере.

Он пришел сюда не за грузом и не за деньгами. Он пришел посмотреть, как быстро мы поймем, что кто-то уже внутри нашей системы.

Энцо стоял напротив, облокотившись на край контейнера. Он молчал, но я слишком давно его знал, чтобы не замечать, как внутри него меняется злость. Сначала она требовала найти виноватого и пустить ему пулю в голову. Потом начинала искать ответ.

— Если это не охрана, — сказал он уже тише, — тогда кто?

— Тот, кого мы будем проверять последним.

Энцо недовольно хмыкнул.

Лука все это время молчал. Не потому, что ему нечего было добавить. Он редко вмешивался, пока не был уверен в своих словах. Засунув руки в карманы пальто, он какое-то время смотрел поверх контейнеров, словно перебирал в голове уже не людей, а схемы, маршруты и цифры, после чего негромко произнес:

— Я уже поднял бухгалтерию.

— Почему именно ее? — я повернулся к нему.

— Потому что тот, кто умеет ждать, редко начинает с оружия, — сказал Лука и дал нам секунду уловить мысль. — Деньги проходят незаметнее.

Я медленно кивнул. Эта мысль нравилась мне все больше. Марко увидел деньги. Лука — закономерность. Энцо — сам факт удара. Каждый смотрел на проблему со своей стороны. Именно поэтому эта семья до сих пор существовала.

Я уже собирался что-то сказать, когда где-то в глубине ангара с оглушительным грохотом рухнули ящики.

Все произошло мгновенно. Несколько человек инстинктивно схватились за оружие. Водитель погрузчика выскочил из кабины с таким лицом, будто сам не понимал, что случилось. Энцо оказался рядом с ним первым, рывком схватил за куртку и зло процедил сквозь зубы:

— Ты куда, блядь, смотрел?

— Я... я не... — парень побледнел еще сильнее.

— Он не врёт, — спокойно произнес Лука, даже не подходя ближе.

Энцо раздраженно обернулся.

— Да откуда ты...

— Потому что он до сих пор не понимает, что произошло.

Я почти не слушал их.

Шум всегда отвлекает. На это он и рассчитан. За пятнадцать лет я усвоил простую вещь: настоящие ошибки редко происходят там, где громче всего. Я смотрел не на погрузчик, не на рассыпавшиеся ящики и не на водителя. Я смотрел на людей.

Кто-то уже помогал поднимать груз. Кто-то кричал через весь ангар. Один из рабочих так торопился поднять планшет, что дважды уронил его на бетон. Все двигались. Все, кроме одного.

Он стоял у дальней стены, засунув руки в карманы рабочей куртки. Не помогал, не задавал вопросов и даже не смотрел в сторону погрузчика. Слишком спокойный человек в помещении, где каждый пытался доказать, что ни при чем.

Я не показал на него. Вообще ничего не сделал. Только негромко произнес:

— Лука.

— Вижу.

Со стороны казалось, будто мы говорим о чем угодно, только не о происходящем. Но я заметил, как Лука едва изменил положение корпуса, незаметно перекрывая мужчине путь к ближайшему выходу.

Энцо все еще держал за куртку перепуганного водителя.

— Да соберись ты уже, мать твою! Ты видел кого-нибудь возле...

— Энцо.

Он резко замолчал. Не потому, что испугался. Потому что услышал мой голос.

— Отпусти его.

— Но... — на лице Энцо отчетливо промелькнуло несогласие.

Он уже открыл рот, собираясь спорить, потом проследил за моим взглядом. Не сразу. Медленно. И буквально на глазах его выражение изменилось.

Он тоже увидел того самого мужчину.

— Думаешь?... — начал он.

Я едва заметно покачал головой.

— Не думай. Проверь.

Энцо коротко усмехнулся, провел ладонью по волосам и неторопливо двинулся вдоль контейнеров. Настолько лениво, будто ему окончательно наскучил перепуганный водитель. Именно этого я и ждал.

Мужчина у стены впервые пошевелился. Совсем чуть-чуть. Переставил ногу, быстро посмотрел на ближайший выход и в этот момент понял, что уже опоздал.

— Не спеши, — негромко сказал я, не повышая голоса.

Я увидел это по тому, как едва заметно напряглись его плечи. Но даже теперь он не обернулся. Продолжал смотреть на рассыпавшиеся ящики, старательно изображая человека, которому происходящее кажется всего лишь досадной случайностью.

Лука остался рядом со мной.

— Рано? — спросил он так тихо, что вопрос предназначался только мне.

— Да.

Он коротко кивнул. Ему не требовалось объяснять. Если сорваться сейчас, мы получим одного перепуганного рабочего и десяток свидетелей, уверенных, что начальство окончательно сошло с ума. Если дать человеку еще несколько секунд, он сам покажет, чего боится.

И он показал.

Мужчина медленно двинулся вдоль стены. Не к воротам, не к выходу. Сначала остановился возле одного из ящиков, будто собирался помочь поднять его, потом огляделся по сторонам, выискивая кого-то среди рабочих, и только после этого, слишком плавно для случайного движения, начал смещаться к узкому техническому коридору.

Я едва заметно усмехнулся.

Красиво.

Очень красиво.

Если бы я не ждал именно этого, скорее всего, тоже не обратил бы внимания.

— Теперь, — спокойно произнес я.

Энцо даже не посмотрел в мою сторону. Только уголок его рта медленно пополз вверх.

— Наконец-то...

Он не побежал. Наоборот, еще секунду продолжал идти так же лениво, будто происходящее окончательно перестало его интересовать. Именно эта лишняя секунда и убедила мужчину, что шанс еще есть.

Он сорвался первым.

Развернулся резко, без колебаний, и бросился в сторону технического коридора. Энцо почти довольно выдохнул: «Вот теперь побегаем», и в три широких шага оказался у него за спиной. Он уже выбросил вперед руку, целясь в воротник куртки, но мужчина среагировал мгновенно: локоть коротко ударил назад, метя Энцо в шею, затем он вывернулся из захвата так быстро, словно десятки раз отрабатывал именно это движение, и, не теряя скорости, рванул дальше.

Энцо от неожиданности отступил на полшага, машинально потер шею и зло оскалился.

— Живым, — напомнил Лука, уже поднося рацию к губам. Он даже не повысил голос. — Восточный проход перекрыть. Второй уровень тоже. Не стрелять.

Последнее слово он произнес особенно четко. Не для людей в рации, для Энцо.

Тот услышал. Скривился так, будто ему только что запретили самое любимое занятие, но спорить не стал.

— Да понял я, понял, — бросил он через плечо, уже срываясь с места. — Не убью.

— Очень постарайся, — сухо ответил Лука.

Я проводил взглядом бегущего мужчину. Он не несся к воротам. Не пытался перелезть через контейнеры. Он двигался слишком уверенно, словно заранее знал, где именно сможет выиграть несколько секунд. Я смотрел туда же, куда смотрел беглец. На технический коридор. И именно в этот момент понял, что он пытается не спастись.

— Он не убегает, — сказал я.

Лука едва заметно нахмурился.

— Тогда что?

— Пытается до чего-то добраться.

Технический коридор встретил нас прохладой и запахом сырого бетона. Здесь почти не было слышно порта: только глухое эхо шагов да приглушенный гул работающих кранов где-то за толстыми стенами. Наши люди без лишних слов завели задержанного в небольшое помещение для досмотра. Он не сопротивлялся, не пытался вырваться и даже ни разу не оглянулся через плечо, будто короткая погоня по складу не стоила внимания.

Энцо резко толкнул задержанного к металлическому столу, дождался, пока тот упрется ладонями в холодную поверхность, и быстро, почти машинально, обыскал карманы. На стол легли телефон, связка ключей, потертый бумажник, складной нож и рабочий пропуск.

Лука молча взял пластиковую карточку, несколько секунд внимательно рассматривал ее, затем перевернул.

— Поддельный.

Энцо коротко усмехнулся.

— Сюрприз.

— Хорошая работа, — негромко ответил Лука, даже не взглянув на него. — Слишком хорошая.

Я забрал карточку из его рук. На первый взгляд она выглядела настоящей: та же фотография, те же печати, те же следы постоянного использования. Даже потертости были нанесены так, будто человек действительно носил этот пропуск месяцами. Только номер смены был напечатан чуть более тонким шрифтом. Разницу почти невозможно заметить, если не держал в руках сотни таких карточек.

Задержанный смотрел не на меня. На Энцо. Будто проверял, послушается ли он, если я прикажу отойти.

Интересно.

— Что в коридоре? — спросил я, кладя пропуск обратно на стол.

Мужчина несколько секунд молча смотрел мне в глаза. Потом негромко произнес:

— Поздно.

Энцо зло оскалился, уже собираясь ответить, но я поднял руку, останавливая его.

— Не сейчас.

Он шумно выдохнул через нос, сжал челюсти так, что заходили желваки, и все-таки сделал шаг назад. Получилось неохотно. Очень неохотно.

— Что поздно?

— Вы начали искать слишком поздно, — сказал задержанный уже спокойнее.

Я ничего не ответил. Вместо этого еще раз посмотрел на пропуск.

— Ты работал здесь давно.

Это не был вопрос, и мужчина промолчал так, будто тоже это понял.

— Достаточно давно, чтобы знать смены, маршруты и расписание камер.

Он снова промолчал.

Энцо шумно втянул воздух, переводя взгляд с меня на задержанного.

— Он вообще разговаривать умеет? Или мы сами за него все расскажем?

— Умеет, — сказал я, продолжая смотреть только на задержанного. — Просто пока не видит смысла.

Мужчина впервые изменился в лице. Взгляд стал внимательнее, словно он наконец перестал воспринимать происходящее как обычный допрос. Именно этого я и ждал.

Я сделал несколько неторопливых шагов вдоль стола, продолжая говорить так же спокойно, будто рассуждал вслух скорее для себя, чем для него.

— Ты пришел не за грузом. И не за деньгами. Если бы целью был контейнер, ты вскрыл бы гораздо больше трех ящиков. Если бы целью были деньги, ты давно исчез бы вместе с ними. Но ты оставил груз, пломбы и следы. Хотел, чтобы мы увидели.

Он продолжал молчать, но теперь это было другое молчание. Он слушал.

— Ты хотел посмотреть, сколько времени нам понадобится, чтобы понять, что произошло, — продолжил я. — Хотел увидеть, кого мы начнем подозревать первым. Куда направим людей. Какие приказы отдадим.

Я остановился напротив него.

— Контейнер был всего лишь поводом привести меня сюда.

В помещении стало тихо. Энцо уже не пытался перебивать. Лука, прислонившись плечом к стене, внимательно наблюдал за лицом задержанного. Он, как и я, ждал не слов. Реакции.

И она наконец появилась. Мужчина медленно выдохнул и впервые отвел взгляд в сторону, будто на мгновение задумался, стоит ли продолжать молчать.

— Значит, я двигаюсь в правильном направлении, — я едва заметно кивнул.

— Нет, — сказал он после короткой паузы, и в уголках губ появилась почти незаметная усмешка. — Ты только начал.

Энцо тихо усмехнулся, переводя взгляд с меня на задержанного.

— О, а вот теперь задумался.

Я едва заметно покачал головой.

— Нет. Он сейчас пытается понять, насколько опасно говорить со мной дальше.

Мужчина почти незаметно изменил позу, словно ему стало неудобно стоять. Движение было слишком естественным, чтобы кто-то другой обратил на него внимание, но взгляд уже успел измениться. Впервые за весь разговор в нем появилась осторожность. Не страх. Именно осторожность человека, который начинает понимать, что противник видит немного дальше, чем должен.

Лука заметил это одновременно со мной. Не произнес ни слова, он убрал поддельный пропуск во внутренний карман пальто и медленно прошел вдоль стены, остановившись чуть позади задержанного. Со стороны казалось, будто он просто сменил место. На самом деле спокойно перекрыл единственный путь назад.

— Думаешь, он знает не все? — негромко спросил Лука, продолжая наблюдать за мужчиной.

Я ответил не сразу. Несколько секунд смотрел только на задержанного, будто вопрос Луки сейчас вообще не требовал моего участия.

— Думаю, он знает ровно столько, сколько ему позволили.

Уголок губ мужчины едва заметно дрогнул. Слишком быстро. Он почти сразу вернул лицу прежнее спокойствие, но этого оказалось достаточно.

— Ты слишком многое себе придумал, — сказал он ровным голосом, вот только фраза прозвучала слишком поспешно, словно он торопился вернуть разговор туда, где снова мог бы чувствовать себя уверенно.

Я выдержал паузу, позволяя тишине сделать за меня половину работы.

— Нет, это ты сейчас пытаешься понять, сколько мне известно.

В помещении стало тихо. Даже Энцо на этот раз промолчал.

Мужчина медленно выдохнул. Впервые с того момента, как оказался здесь. Потом так же медленно отвел взгляд. Не к двери, не к Луке, не к Энцо. Вниз. Всего на одно короткое мгновение.

И этого оказалось достаточно.

— Вот теперь, — негромко произнес я, снова встретившись с ним взглядом, — мы действительно начали разговаривать.

Улыбка исчезла с моего лица почти сразу. Сейчас было важно не наслаждаться чужой ошибкой, а понять, почему она вообще произошла.

Я сделал еще один шаг вперед. Между нами почти не осталось расстояния.

— Ты исполнитель, — сказал я так же спокойно. — Хороший. Осторожный. Дисциплинированный. Но тебя не жалко потерять.

Он впервые изменился в лице. Совсем немного: напряглась линия челюсти, плечи едва заметно расправились, будто он собирался возразить еще до того, как подобрал слова.

— Ошибаешься.

Голос остался ровным, но теперь каждое слово звучало медленнее. Он больше не отвечал автоматически. Он выбирал.

— Людьми не разбрасываются.

— Конечно, — спокойно согласился я. — Ценными — нет.

Он молчал.

— Если бы ты действительно был нужен, тебя бы не оставили одного.

Никто больше не произнес ни слова. Я видел только его глаза, и именно они выдали его раньше лица.

Взгляд дрогнул. Совсем чуть-чуть. Будто внутри него впервые появилась мысль, которую он до этого старательно не подпускал к себе.

Мне этого хватило.

До этой секунды он был уверен, что за ним придут. Теперь начал понимать: никто не собирался этого делать.

Последняя деталь легла на место.

Я несколько секунд молча смотрел на человека перед собой. Больше не было смысла ловить его на новых ошибках. Все, что мне было нужно, он уже сказал. Осталось только сложить это в одну картину.

Он будто почувствовал перемену. Медленно выпрямился, насколько позволяла хватка Энцо, и впервые за весь разговор посмотрел на меня без прежнего спокойствия. Не испуганно. Скорее внимательно. Так смотрят люди, которые понимают: противник наконец дошел до того же вывода, что и они.

— Значит, контейнер был приманкой, — произнес я, не отводя взгляда. — Деньги тоже. Ты должен был привести меня сюда. Заставить смотреть туда, куда было нужно твоему хозяину.

Он промолчал. Только уголок губ едва заметно дрогнул. Этого оказалось достаточно.

— Ты не должен был победить, — продолжил я так же спокойно. — И не должен был уйти. Это вообще не имело значения.

Мужчина медленно выдохнул, на мгновение опустил взгляд, словно собираясь с мыслями, а потом снова посмотрел мне прямо в глаза.

— Нет, — тихо ответил он. — Не имело.

В коридоре повисла тишина. Даже Энцо больше не пытался ее нарушить. Лука внимательно наблюдал за задержанным, будто ждал не ответа, а едва заметного движения, которое скажет больше любых слов.

— Тогда что было целью? — спросил он.

Мужчина устало усмехнулся.

— Вы до сих пор думаете, что речь шла о контейнере.

— Нет, — перебил я, делая еще один шаг вперед. Между нами почти не осталось расстояния. — Уже нет.

Он выдержал мой взгляд. Я — его.

И именно в этой тишине наконец прозвучал единственный вывод, который имел значение.

— Он хотел понять меня.

— Да, — произнес он после короткой паузы. — Не увидеть. Понять.

Энцо раздраженно втянул воздух, уже собираясь вмешаться, но, встретившись со мной взглядом, только молча потер шею и отвернулся. Он тоже почувствовал, что сейчас лучше не ломать разговор.

Мужчина больше не пытался запутать нас. Не потому, что решил помочь. Потому что скрывать это уже не имело смысла.

— Ему нужно было понять, сколько времени тебе понадобится, чтобы увидеть картину целиком, — сказал он. — Кого ты позовешь первым. Кто рядом с тобой думает, а кто действует. Кто способен спорить с тобой, а кто выполнит любой приказ, не задав ни одного вопроса.

Он замолчал. Несколько секунд смотрел только на меня.

— Он изучал тебя, Дамиано.

— Забирай его, — я перевел взгляд на Луку и медленно кивнул.

Энцо нахмурился, недоверчиво посмотрел сначала на меня, потом на задержанного.

— И это всё?

— Всё, — я направился к двери.

Он догнал меня уже в коридоре.

— Мы же так ничего и не узнали.

Я остановился всего на секунду и посмотрел туда, где за открытой дверью продолжал жить своей обычной жизнью порт. Гудели краны, двигались контейнеры, люди были уверены, что это утро ничем не отличается от десятков предыдущих.

— Нет, — сказал я. — Мы узнали главное.

Энцо вопросительно посмотрел на меня.

Я позволил себе едва заметную усмешку.

— Партия началась гораздо раньше, чем мы это поняли.

И теперь мой противник наконец знал обо мне почти столько же, сколько я собирался узнать о нем.

Глава пятая. Нарушенный порядок

Дом всегда возвращал ощущение порядка. Не потому, что здесь ничего не происходило. Наоборот. Каждый день через эти двери проходили люди, приносили документы, просили решений, сообщали хорошие новости, чаще плохие. Просто внутри этих стен любой хаос рано или поздно становился системой. Проблемы переставали казаться катастрофой и превращались в задачи, которые нужно решить.

Обычно этого было достаточно.

Сегодня нет.

Я снял часы и положил их на стол рядом с телефоном. Мария, словно почувствовав, что я уже вернулся, бесшумно вошла в кабинет с подносом, поставила передо мной чашку кофе и привычным движением поправила ровную стопку документов.

— Завтрак будет готов через десять минут, синьор, — сказала она.

— Спасибо.

Она едва заметно улыбнулась и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Я сделал глоток, но почти сразу поставил чашку обратно. Кофе был таким же, как всегда: крепким, горячим, безупречным. Просто сегодня я не чувствовал его вкуса.

Перед глазами снова возник порт. Аккуратно снятая пломба. Поддельный пропуск. Мужчина, который слишком поздно понял, что его оставили одного. И голос, произнесший спокойно, почти без нажима: «Он изучал тебя, Дамиано».

Кто-то несколько недель смотрел на меня как на систему. Не на человека, не на главу семьи, не на фамилию, с которой принято считаться. На систему решений: кого я позову первым, кому позволю спорить, кто будет действовать, кто остановит чужую ошибку до того, как она станет кровью.

Раздражало не то, что противник оказался умным. Умные враги встречались раньше. И не то, что он нашел людей внутри нашей структуры. Людей всегда можно купить, запугать или убедить, что предательство однажды останется без последствий.

Я открыл папку, которую Марко прислал по защищенному каналу, и заставил себя читать. Новые компании за последние полгода. Платежи. Адреса. Учредители, которых не существовало за пределами документов. Все аккуратно, чисто, почти скучно. Слишком скучно, чтобы быть случайностью.

Через несколько минут понял, что уже третий раз читаю одну и ту же строку, и закрыл папку.

Телефон зазвонил почти сразу, будто ждал именно этого момента.

Марко.

Я принял вызов и откинулся на спинку кресла.

— Если ты сейчас скажешь, что нашел еще одну пустую компанию, — произнес я, глядя на закрытую папку, — я начну подозревать, что ты делаешь это специально.

— Конечно, специально, — ответил Марко без паузы. — У меня тяжелая форма профессиональной вредности. Врачи разводят руками, бухгалтеры плачут, аудиторы молятся. Но, к сожалению, на этот раз я звоню не ради удовольствия разрушить тебе утро.

— Оно уже разрушено.

— Тогда я пришел потоптаться по обломкам, — сказал он, и в голосе почти сразу исчезла обычная легкость. — По «Сантори» пока чисто. Слишком чисто. Я не люблю, когда у мертвых компаний такая аккуратная бухгалтерия. Это как увидеть труп в выглаженном костюме: вроде красиво, но хочется отойти подальше.

— Мне нужны связи, а не твоя поэзия, — я потер переносицу.

— Моя поэзия недооценена, но ладно, — Марко зашуршал бумагами или, скорее всего, сделал вид, что шуршит. Он всегда любил добавлять работе театральности. — Деньги ушли через два промежуточных счета. Оба пустые, оба открыты недавно, оба выглядят так, будто их собирали люди, которые слишком хорошо знают, как выглядит плохая подделка, и поэтому сделали хорошую.

— Иными словами, ничего.

— Иными словами, пока ничего, — поправил он. — Но есть маленькая неприятная деталь.

Я молчал.

Марко любил, когда ему давали пространство для драматической паузы. Я любил лишать его этого удовольствия. В нашей дружбе многое держалось на подобных мелочах.

Он вздохнул первым.

— Ты ужасный слушатель, Дамиано. Никакого уважения к напряжению сцены.

— Деталь, Марко.

— Один из счетов уже всплывал рядом с другой поставкой, — сказал он уже без шутки. — Не напрямую. Слишком тонко для прямой связи. Но достаточно близко, чтобы я начал нервничать, а ты начал портить людям жизнь.

— Проверь глубже.

— Уже проверяю, — ответил Марко. — И до того, как ты скажешь «быстрее», я официально сообщаю: я и так работаю с такой скоростью, что мои предки в Палермо сейчас гордятся мной и крестятся одновременно.

— Быстрее.

— Вот видишь? Никакой благодарности. Я бы обиделся, если бы не знал, что у тебя вместо эмоционального диапазона сейф с кодовым замком.

В дверь тихо постучали. Я сбросил звонок.

Мария вошла с подносом, поставила рядом со старой чашкой новую и, заметив, что к первой я почти не притронулся, едва заметно нахмурилась. Она никогда не комментировала вслух то, что считала не своим делом, но ее молчание иногда звучало выразительнее, чем все речи Марко.

— Простите, синьор... мне кажется, вам лучше самому спуститься.

Я внимательно посмотрел на нее. За двадцать лет Мария научилась не тревожить меня по пустякам. Если она пришла сама, а не передала просьбу через прислугу, значит, дело действительно выбивалось из привычного порядка.

— Что случилось? — спросил я спокойно, откладывая документы в сторону. — Энцо опять что-то натворил?

В уголках моих губ мелькнула едва заметная улыбка, но исчезла так же быстро, как появилась. Мария на шутку не отреагировала. Наоборот, будто еще сильнее засомневалась, правильно ли вообще пришла сюда.

— Нет, синьор, — ответила она после короткой паузы и виновато покачала головой. — Дело... в девушке.

Я нахмурился не сразу. Мысли все еще оставались в порту, цепляясь одна за другую: ложные фирмы, поддельные документы, человек, которого намеренно оставили у нас в руках. Девушка... Какая девушка?

Наверное, этот вопрос слишком явно отразился у меня на лице.

Мария чуть склонила голову и уже мягче, почти с материнским терпением напомнила:

— Кейси.

Перед глазами на мгновение всплыл темный коридор, испуганный взгляд и хрупкая фигура, прижавшаяся к стене. Воспоминание оказалось таким коротким, что почти сразу растворилось среди событий сегодняшнего утра.

Я действительно успел забыть о ней.

— Что произошло? — снова спросил я, возвращаясь к Марии.

Она облегченно выдохнула, словно наконец добралась до той части разговора, ради которой и пришла, но объяснить оказалось сложнее, чем она рассчитывала. Несколько секунд Мария подбирала слова, потом беспомощно развела руками.

— Честно говоря... я не уверена, что произошло что-то плохое.

Она виновато улыбнулась, заметив мое недоумение, и поспешила объяснить:

— Просто дом... будто перестал заниматься своими делами.

— Объясните, — спокойно попросил я.

— Кейси сидит на террасе уже почти час, — начала Мария, медленно вспоминая увиденное. Пока говорила, взгляд ее невольно скользнул в сторону окна, будто она снова видела эту картину перед собой. — Сначала рядом остановился один из охранников. Потом подошел второй. Через несколько минут к ним присоединился садовник, потом водитель...

— Она что, митинг организовала?

— Нет... Они просто разговаривают, — она произнесла последние слова с такой искренней озадаченностью.

— О чем? — спросил я, не сводя с нее глаз.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.